

Борис Бабкин

Сокровища мертвых

«АСТ»

Бабкин Б. Н.

Сокровища мертвых / Б. Н. Бабкин — «АСТ»,

Где-то в далекой Якутии затерян городок староверов, живущих на территории бывшего лагеря для «врагов народа». А в поселке бытует легенда: сто лет назад в недрах горы схоронили некую семью и семь гробов погибших до отказа набили золотом и алмазами. Указания же к тому, где искать староверские сокровища, зашифрованы знаками на семи иконах... Легенда – ложь? Но многие уверены – в ней скрыта истина. Более того – иконы, отмеченные таинственными знаками, действительно существуют. И теперь на их поиски отправляются одновременно и бывший сотрудник спецслужб, и несколько бандитских кланов, и наследники одного из староверов. Кто придет к заветной цели первым?..

© Бабкин Б. Н.

© АСТ

Борис Николаевич Бабкин

Сокровища мёртвых

Якутия, Долина Мертвых

– Слава Господу! – раздался многоголосый крик.

Кутивший у входа в пещеру лысый мужчина звучно хлопнул ладонью по лбу и плюнул.

– Комаров тут полно, но все равно идут сюда, верят в эту хренотень. А кто он есть-то, этот спасенный Богом?

– Хрен его знает, – равнодушно отозвался плотный бородач с карабином на плече. – Мы пытались выяснить. В районе Живого озера пропали трое. По крайней мере о них были заявления. Но один точно не этот спасенный, ростом мал. Двое других вроде подходят. Пытаемся установить, есть ли у них какие-нибудь отметины. Ну например, зубы золотые или шрам от аппендицита.

– А эти, похоже, верят в его святость, – хохотнул лысый, – и касаются осторожненько. А менты, значит, не в курсе? – уточнил он.

– Разумеется, нет. На этом посланец Божий имеет неплохие бабки. Хитер, чертяка. Каждый сколь может, столь и дает, выходит кругленькая сумма.

– А ты, Антип, веришь в эти гробы золотые?

– Так сей говор еще от предков нашенских идет. Искали тут многие. И при советской власти искатели бывали. Да и власть тогда вроде пыталась найти эту самую сокровищницу. А по мне, ежели правду баить, один хрен. Я тут душой оттаял. Мои родичи все старой веры придерживались. Дядя баял, что еще при царе наш род в Сибирь загнали. А при Советах сюда ушли. Вроде и запрета особого не было, но староверов сажали. И убивали бывало. А я здесь человеком себя чувствую. А ты, Прошка, кажись, тут только из-за наживы. Так хорошего тебе ждать нечего. Бог не любит таких. Считай, весь мир сейчас на деньги молится. Из-за денег...

– Тсс! – остановил его Прохор. – Хохол идет.

– Это не Хохол, – усмехнулся Антип.

– Мир вам, – поклонился Прохор подходящему невысокому бородачу, – и здоровья.

– Вам того же! – Невысокий перекрестил их двумя пальцами.

– Спасен Господом, – нараспев нестройно проговорил хор мужских и женских голосов.

Мимо лежащего на основании широкого каменного креста длиннородого мужчины тесной цепочкой двигались люди. Каждый с поклоном касался ладонью груди лежащего, а другой рукой опускал в бочонок деньги. Перед крестом на округлом камне стоял седобородый мужчина в белом балахоне с крестом в левой руке. Правой он крестился сам и крестом благословлял собравшихся.

– Ты чего такой смурной? – спросил Антип подошедшего к ним мужчину с завязанными на затылке длинными волосами.

– Да снова одного нет. За неделю уже трое пропали. Грибники, мать их! – не сдержался он и тут же перекрестился. – Прости, Господи, речь мою.

– А трупы находите? – спросил Прохор.

– В том-то и дело, что нет. Не знаем, что и думать. Святоша рвет и мечет. В то, что сбегли, никто не верит. А где они, хрен их знает.

– А кто на сей раз? Бабы али мужики?

– Да старик. Аховый. А до этого две бабы. И куда деваются?

* * *

– Сколько собрали пожертвований? – спросил старец в белом балахоне.
– Три тысячи двести пятьдесят пять, – ответила крепкая женщина в черном платке.
– Меньше, чем в прошлый раз, а народа больше было. Видать, скупееет люд.
– Каждый дает кто сколько может, – сухо проговорила она. – Зря вы, посланец Божий, народ корите. Кто этот уродливый, никто не знает. Бог ему судья, как и нам всем. – Она перекрестилась.

– А я, Фекла, служу Господу нашему единому, – укоризненно произнес посланец. – За веру, еще при царе поруганную, сколь страдания принял, а не отступил. А ты меня укоряешь. Народ я в веру вернул.

– Бог веру в людей вселяет. А за лишения земные ожидает верующего рай.

– Верно говоришь, Фекла. Я за веру готов смерть лютую принять, но не отступлюсь.

– Снова пропал человек, – послышался голос вошедшего мужчины, – некий Ахов. И никто ничего не знает.

– Уже трое пропали, – зло напомнил старик. – А следов нет. Ежели зверь задрал али лихой человек жизни лишил, куда бранные останки делись?

– Берет для разговора их кто-то, видать, кому-то нейдет найти...

– Молчи, грешник! – громко перебила его Фекла. – Об этом и говорить нельзя. А людей пропавших найдем, далее реки Олененок не уйдут.

– Оленек, – поправил ее мужчина с хвостиком.

– Оленек далее, – сказал старик. – И поселок есть такой – Оленек. А есть и Олененок, и река, и поселок. Точнее, речонка и маленький поселок. Оттуда к нам немало людей идет. Там и ключ, якутом похищенный. Якута того солдаты пристрелили, когда Ваньку-людоеда искали. Ванька тогда в родной поселок, вертолет захватив, вернулся и наказал смертью лютой неверную жену и мужчину, блудника ее, смерти предал. Вот и попал якут, ключ похитивший, под пули солдат. Он ключ своим родным оставил в Олененке. А ушедших Господь велит найти и наказать, тела огню предавши.

Река Олененок

С метрового обрыва в воду упал набитый мешок с привязанным к горловине ржавым катком от бульдозера. И сразу ушел под воду.

Якутск

– Тело Натальи Деновой обнаружено около поселка Тюнг, – доложил майор милиции, – у истока реки, в пяти километрах от речки Муна. На перекате и найдено женское тело. Опознать его практически невозможно. За месяц до того, как ее Денов под лед за собой уволок, Наталья зубы золотые вставила, по ним эксперты и определили.

– Было бы лучше, если бы нашли труп Денова, – проворчал седой полковник милиции. – А то, откровенно говоря, опасаясь, что объявится этот хищник скоро. Не знаю почему, но мне все думается: Денов жив...

– Извините, товарищ полковник, – сказал майор, – но прошло четыре с половиной месяца. Денов с женой бросился в разбитую взрывом у берега реку. Лед там был почти метр толщиной. Так что выжить он никак не мог.

– Но водолазы обследовали реку вниз по течению, а тело Денова не обнаружили. Для полного спокойствия нужен труп Денова. Он запросто мог где-то застрять, и его занесло грунтом во время паводка, но, однако, трупа нет, а значит, допустимо то, что Денов жив. И еще. Денов всех удивил, когда спас эту москвичку, черт бы ее побрал. Вроде как защищает она

его. Тут в газетенке какой-то написали, что если бы не посадили Денова ни за что, то ничего противоправного он не совершил бы. А тут еще с вертолетом никак разобраться не могут, как да что. Почему не отреагировали сотрудники группы Гусева? Его затаскали уже, чуть ли не соучастником делают. Да и москвичка эта кашу заварила. К ней поехал кто-нибудь, не знаешь?

– Да все я прекрасно понимаю, – раздраженно произнес помощник прокурора республики. – Эта Войцевская делает себе рекламу довольно дешевым способом. Она утверждает, что Денов, этот бандит-людоед, совершил преступление только потому, что был незаконно осужден.

– Никакой рекламы Войцевская себе не делает, – возразил сидевший у окна полковник ФСБ. – Вертолет потерпел аварию, ее муж опоил вертолетчика чаем со снотворным. Вертолет разбился, остались в живых трое – Войцевская, Сопов и Денов, который бежал из лагеря. И Денов спас ей жизнь. А ее стали упрекать в том, что она выжила благодаря тому, что Денов кормил ее мясом Сопова. И она пошла в тайгу искать Денова. Они встретились около метеостанции, где Войцевская и Денов спасли метеоролога, на которого напал поднятый розыскниками медведь. Метеорологу вызвали санитарный вертолет, а Денов его захватил. И можно было поставить на этом точку. Не могли двое спецназовцев видеть Денова. Они помогли загрузить в вертолет раненого метеоролога и вернулись к дому. Денов под угрозой оружия заставил вертолетчика долететь до бригады охотников на волков и высадил там Войцевскую. Там она и узнала, что ела приготовленную по старинному рецепту якутских охотников кашу из раздробленной волчьей лапы с добавлением...

– Перестаньте, Лазарев, – поморщился помощник прокурора. – Увольте меня от подробностей меню этой дамочки. Она же обвиняет нас...

– Она говорит правду. А вот почему не довели дело Торových до суда, мне, например, непонятно. В том, что именно они подожгли баню с задержанными, сомнений нет...

– Но нет и улики, – возразил лысый подполковник милиции. – Слова командира группы...

– А какого черта их оставили на свободе? – зло спросил фээсбэшник. – И все свидетели сразу же замолчали или изменили показания. А против Торových было немало. Да что теперь говорить! – Он махнул рукой. – Лучше ответьте, Андрей Семенович, на кой черт вы снова начали дело о вертолете? Хотите парней под статью подвести? Не выйдет. С этим делом разбиралась комиссия, все выяснила. Восстановили произошедшее посекундно. Вины спецназовцев нет, не могли они видеть Денова. Обвинять вертолетчика тоже нельзя. Денов наверняка убил бы всех, если б он поднял тревогу. Дело прекращено. А вы и в Москву кого-то отправили. Надеюсь, не для того, чтоб заставить Войцевскую замолчать?

– У нас свобода слова, пусть говорит что хочет, – недовольно произнес помощник прокурора. – Я считаю, что за захват вертолета Деновым должны понести ответственность...

– Ведь вы знаете, – усмехнулся фээсбэшник, – комиссия проверила все факты и пришла к единому мнению: спецназовцы не виноваты. Они помогали раненому человеку. Я не понимаю, зачем вообще нужно было начинать это дело? Есть свидетели, и они дали точные и ясные показания. Знаете, у меня сложилось впечатление, что кто-то хотел отвлечь следствие от дела Торových.

– Что вы себе позволяете, Лазарев? – Помощник прокурора вскочил.

– Я говорю то, о чем молчат остальные, – спокойно отозвался тот. – Кто полетел в Москву?

– Савиных.

– Хорошо, что не Кручин. Он бы довел Войцевскую до нужного состояния.

Тайга в окрестностях хребта Кулар

– Матрена! – зычно прокричал мужчина. – Отзовись, Матрена!

– Где ее леший носит, прости Господи? – перекрестившись двумя пальцами, спросил вышедший на поляну бородатый мужчина с доверху наполненной грибами корзиной. На поясе у него висел длинный нож.

– А кто ее знает, – недовольно отозвался коренастый бородач. – И на кой мы с ней пошли? – качнул он головой. – Баба только по дому хороша. Но без нее назад как идти? Ведь...

– Давай вместе позовем, – предложил первый.

– Матрена! – закричали они во весь голос.

– Зовут, – кивнул в сторону криков плотный парень в камуфляже.

– Может, и их тоже? – спросил лысый здоровяк.

– Пока нет. Зверье успеет сделать свое дело.

– Следов не оставьте, ироды, – проворчал невысокий бородатый мужчина лет пятидесяти. – Связался с волками, того и гляди сам зверем стану.

– Не бурчи, Старый, – усмехнулся парень. – Ты не за спасибо работаешь. Ну, на сегодня все, уходим. Старый, ты посмотри, чтоб следов не осталось.

– Да уж погляжу.

Возле полусгнившего ствола лежал окровавленный труп женщины, рядом – перевернутая корзина с грибами.

Приподняв похожую на свиное рыло морду, россомаха втянула пахнувший свежей кровью воздух.

Москва

– Черт бы вас побрал! – воскликнул в телефонную трубку полный высокий мужчина. – Я уже столько времени слушаю вашу брехню и все больше убеждаюсь, что зря с вами связался. Неужели...

– Но мы никак не можем выяснить местонахождение сокровищницы, – перебил его женский голос. – Или как там по-ихнему?

– По-ихнему, по-нашему... Ты мне вот что лучше скажи: а это не из разряда легенд?

– Лаврентий Павлович – ответила женщина, – давайте говорить прямо. Если вы не желаете принимать участие...

– Если б я не желал, я бы сразу послал вас подальше. Но время идет, а ничего не меняется. И мне это все меньше и меньше нравится. Ты понимаешь меня, Диана?

– А вы думаете, мне это нравится? Я рассчитывала на Эдуарда. Но он, вы же знаете...

– Он пытался угробить свою жену. Но Ирина Андреевна оказалась живучей. Мало того что выжила, еще и вернулась почти здоровой. А ты мне вот что скажи: тебе она в чем дорогу перешла? Неужели ты за Гатова так ухватила? Он же неудачник. Что, мужика себе путного найти не можешь? Я тебе своих парнишек могу предложить, у них во всем порядок. Ну разве только долго не живут, да и в тюрьму попасть могут. Так от тюрьмы и от сумы...

– Мы не о том говорим. Вы хотели туда своих людей послать?

– Слушай, Диана, мои люди не поисковики, а исполнители. Дай нам координаты, и все. В общем, вот что я решил. У меня там есть знакомый, он имеет определенный вес в определенных кругах и наверняка даст нам людей, которые помогут твоим. Ты ведь местных не привлекала?

– Да как-то не получилось. Не хотела рисковать. Да у меня и нет в тех местах никого.

– Все, этот вопрос, считай, решен.

– Подождите, – удивился седой человек, – вы хотите сказать, что...

– Просто уточнить кое-какие детали, – улыбнулся крепкий мужчина.

- Погодите, ведь Ира столько перенесла. Надеюсь, вы понимаете, что напоминать ей...
- Извините, Андрей Васильевич, служба обязывает. Я понимаю...
- Если понимаете, то зачем напоминать ей? Ведь она и так еще не до конца пришла в себя.
- Это необходимо для следствия, – вздохнул милиционер.
- Папа, – в комнату вошла миловидная молодая женщина, – как я тебе? – Она поправила длинные осветленные волосы.
- Седину прячет, – негромко проговорил Андрей Васильевич. – Поседела после...
- Ой! – увидев незнакомца, смутилась женщина. – Извините.
- А я к вам, Ирина Андреевна, – сказал посетитель. – Следователь прокуратуры Анатолий Савиных.
- Понятно... – Ирина вздохнула. – Вот и началось. Надеюсь, меня не посадят надолго?
- Ирина, – вмешался отец, – что ты говоришь?
- А что, – вызываясь глядя на Савиных, усмехнулась Ирина, – меня уже обвиняли в содействии беглому преступнику. Он с моей помощью, оказывается, вертолет захватил. И знаешь, папа, что самое смешное? Врач, медсестра и вертолетчик говорили мне совсем противоположное тому, что написано в их показаниях милиции. А сейчас вот и прокуратура пришла. Арестовывать или взять подписку о невыезде?
- Поймите, Ирина Андреевна, – ответил Савиных, – никто вас ни в чем не обвиняет. Однако по делу о захвате бандитом вертолета...
- А этот бандит, – вспыхливо перебила она, – спас мне жизнь. Тащил меня по заснеженным сопкам, кормил кашей из волчьей лапы и...
- Я хочу, чтобы вы рассказали о захвате вертолета, – мягко прервал ее следователь.
- Я уже дважды рассказывала, писала.
- Знаю. Но нас интересуют только подробности захвата вертолета. Мы должны дать оценку действиям спецназовцев. Вы были свидетельницей этого, видели нападение медведя на метеоролога и все остальное.
- Денов спас Михаила, – сказала Ирина. – А как он захватил вертолет, вы знаете. Господи, – она тяжело вздохнула, – когда же это кончится? Наверное, было бы лучше, если б я погибла в тайге. Окружающие сочувствовали мне, тем самым давая понять, что Денов кормил меня человечинной. Вы представить себе не можете, как жить с этим. – Она снова вздохнула. – И знаете, меня почти убедили. Я не покончила с собой только потому, что нашлись люди, которые твердо были уверены в том, что такого не было. Поэтому я искала Денова. Да, я даже стрелять научилась, чтобы убить его. Я хотела застрелить человека, который меня спас. Собиралась убить людоеда. А он поступил просто, – кивнула Ирина, – ничего не стал мне говорить. Я помню его слова: что бы я тебе ни сказал, ты все равно будешь думать по-своему. И он был прав. Да, он захватил вертолет, заставил пилота максимально снизиться, выбросил меня в снег и улетел. В то время я ни о чем не думала. В моей голове был один вопрос: людоедка я или нет? И может, это для вас звучит странно, но я благодарна Денову и за спасение, и за правду, которую я узнала не от него, но благодаря ему. А рассказывать еще раз я уже, простите, не могу. Не хочу и не буду. Я все рассказала. Больше вспоминать не желаю. Можете привлечь меня по какой-нибудь статье, посадить в тюрьму или...
- Перестаньте, Ирина Андреевна, – улыбнулся Савиных. – В конце концов, можете ничего не вспоминать, а просто подпишите те показания, которые вы дали.
- Давайте! – Ирина взяла ручку. – Надеюсь, это в последний раз.
- Конечно, было бы лучше, – Савиных открыл папку, – если бы вы...
- Послушайте, – остановил его Андрей Васильевич, – я прекрасно понимаю – служба. Но поймите же и вы, каково ей вспоминать.

* * *

– Маша, – остановил идущую к выходу из магазина стройную красивую девушку длинноволосый парень в темных очках, – подожди, не хочешь побывать на дикой природе?

– Не поняла, – удивленно ответила девушка.

– Разве Иннокентий Яковлевич тебе ничего не говорил? – в свою очередь, удивился парень. – Хотя извини, Машка, что-то я не то и не так говорю, шутка получилась несмешной. – Виновато улыбнувшись, он отошел.

– Марик, – окликнула его Маша, – может, все-таки объяснишь, что ты хотел сказать?

– Да я же говорю, что, как всегда, неудачно пошутил. В последнее время у меня...

– Марик, – сердито перебила она, – мне идти за ответом к Иннокентию Яковлевичу?

– Да я же говорю, просто глупая шутка. Поэтому умоляю, неставляй меня дураком. Это будет уже чересчур. Иннокентий Яковлевич и так...

– Нет, я обязательно зайду к Иннокентию Яковлевичу и спрошу о твоём предложении побывать на дикой природе.

– Сделаешь из меня полного идиота.

– Машка, ты? Ну наконец-то! – К Марии подошла симпатичная девушка. – Вот и встретились.

– Женька? – удивленно посмотрела на нее Мария.

Девушки обнялись. Марик быстро вышел из магазина.

– Ты что тут делаешь? – спросила Маша.

– А то ты не знаешь! – рассмеялась Евгения. – Ты наверняка тоже здесь из-за этого.

– Подожди, – не поняла Маша, – из-за чего из-за этого?

– А зачем ты сюда пришла?

– Да, – сообщил по телефону худой плешивый мужчина в очках, – я действительно набираю группу. А позвольте спросить, кто вы и почему вас это интересует?

– Иннокентий Яковлевич, – сказал мужчина, – я узнал от своего племянника о вашей поездке. Он бы тоже очень хотел посетить те края. Но он слишком стеснителен, и поэтому я решил...

– Послушайте, уважаемый, группа уже набрана, извините. – Иннокентий положил трубку на рычажки. – Спасибо, Лиля, за рекламу. Дура!

Якутия, поселок Выселки

– Бабушка! – закричал, вбегая в дом, мальчик лет пяти. – К деду пришли...

– Не к деду, – сердито поправила его пожилая женщина. – А к дедушке. Сколько раз тебе говорить?

– Какая, на хрен, разница, – усмехнулся вышедший из комнаты седобородый мужчина, – дед али дедушка? Дедушка – так нам про Ленина говорили. Сталин отец родной был, чтоб он, ежели есть такая возможность, в гробу кувырнулся...

– Афанасий, – покачала головой женщина, – ты думай, что говоришь.

– Так кого там хрен принес? – спросил у внука дед.

– Двое людей каких-то.

– Пойду гляну, что за гости. – Афанасий вышел на крыльцо.

– Господи, – вздохнула женщина, – хрыч старый, разве можно при малом так говорить?

Если услышу, что за дедом повторяешь...

– Во, бабушка, – засмеялся внук, – сама «дед» сказала.

– А ну-ка на кухню иди! – цыкнула на него она.

– Тамара Васильевна, – обратился к ней крепкий парень, – там эти суки нарисовались.
– Да ты хоть при мальце-то по-человечески говори, Пашка! – рассердилась она.
– А как еще Торовых назовешь? Из ментовки их вышибли, а они снова заявились. Дядьке своему, видно, понадобились.

– Торовы! – ахнула женщина и бросилась к калитке, где стояли Афанасий и двое крепких молодых, похожих друг на друга мужчин.

– Да мы ведь, Афанасий Семенович, – примирительно бурчал тот, что постарше, – договориться пришли. Ну, чтоб не было столкновений на Золотом ручье. Там вроде твои мужики...

– Слушай, Василий, – недовольно перебил его Афанасий Семенович, – мне с вами говорить не о чем, уматывали бы вы отсель подобру-поздорову от греха подальше. А то ведь всякое приключиться может.

– А ты нас пугать вздумал, дядька Афанасий? – усмехнулся другой.

– Да что вас пугать-то, вы и так жизнью обижены. Просто пришибут, а ответ за вас, гадов, держать кому-то придется. Не вас жаль, а того, кто из-за вас...

– Ну смотри, Денов, – усмехнулся парень, – мы по-доброму хотели. Не желаешь, так потом не скули.

– Я вас сейчас прямо тут и положу, вроде как самооборона. Да за вас и спроса не будет. Пашка! Глеб! – закричал Денов. – Эти двое...

– А ну-ка пошли отсель! – замахала руками на Торовых подбежавшая Тамара Васильевна. – А то сейчас мужиков кликну! Убейтесь!

– Здравствуйте, Тамара Васильевна, – усмехнулся Василий, – как здоровье? По сыну не скучаете?

– Пашка! Глеб! – снова закричал Афанасий Семенович.

– Уходим! – Торовы быстро пошли к стоящему на дороге джипу.

– Сучары! – Денов плюнул им вслед. – Твари! Закопаю сук! Давно надо было. – Он взглянул на жену. – Лука их вызвал. Вот и верь власти после этого. Их турнули из милицейской службы и на этом крест поставили. А они сюда не зазря возвратились. Мне мужики говорили, что на Золотом ручье каких-то бандюков видели. Наверняка Лукины эти разбойнички. На ручье золотишко попадает. Хотел Савелий там добычу наладить, но мужика угрохали. И вот что еще: бабы меж собой разговор имели: мол, Натка и хахаль ее покойный якобы какой-то интерес к нам имели. А вот что за интерес, не сказано. Ты бы, Тамара, поговорила с Пеструхой, она наверняка что-то знает, она в курсе всех делов в округе.

– Не связывался бы ты с ними, Афанасий, – вздохнула жена.

– Они сына моего в тюрьму усадили, из-за них он и погиб. Я слово дал, что покончу с ними.

– А о Леше, о внуке ты подумал? Или тебе плевать?

– Вот как раз и не плевать. Вырастет Леха и спросит народ: а кто в гибели папани моего виновен? И ему укажут на Торовых. А что ж дед-то не отомстил за папаню? Внуку мой сам может за отца расчет произвести. А я не желаю, чтобы он в тюрьму из-за этих гнид отправился. Уж лучше я грех на душу приму.

– Ну что там? – спросил вошедших во двор братьев Торовых плотный пожилой мужчина.

– Да что, – усмехнулся Олег, – все то же, что и раньше. Денов чуть не натравил на нас...

– Эх вы, дипломаты, мать вашу! – плюнул пожилой. – Какого хрена...

– Дядька Лука, – остановил его второй. – Я...

– А ты, Васька, вообще молчал бы. Что участковым был, что сейчас, один хрен, никакого навару от тебя нет. Ну что ж делать, вызову Филимона, с ним надо такое решать. А вы, – он презрительно посмотрел на племянников, – ни украсть, ни постеречь не можете. Ментами были, так хоть какая-то польза имела. А сейчас...

– Хватит, Лука Демьянович, – сказал Олег, – из-за тебя мы и оказались в...

– Молить Бога должны, что за дело Ивана не взялись повторно, – усмехнулся Лука Демьянович. – А то б загрели вы, орелики, по полному замесу. Да и с банькой, в которой вы спалили...

– А ты нас к Денову послал, – зло буркнул Василий. – Ведь знал, что он нас на хрен пошлет, а все равно...

– Надо было узнать настрой Афанасия, чтой-то он притих. После того как Ванька утоп, не тот Афанасий стал. И не лезет никуда, и мужикам своим разгул не позволяет. Не тот Афанасий, да и Тамарка его вроде как мешком пыльным прибита. Все на мальчика, на внука направлено. А Афанасий держит данное Ванюхе слово не касаться мальчика. За Лешкой Тамарка присматривает. А малец-то озорной. Вот как вырастет, а у вас уже годы будут силу отнимать, так он заявится и потребует за отца ответ держать. Да и за мать тоже может, ведь это вы их развели. Ванька Натку убил, но вас не тронул, а зазря, наверное. Ни на хрен вы не гожи. И вот что я вам скажу, племяши, ежели кто-то что-то прознает, с вас спрос. А теперь пошли вон! – Лука Демьянович презрительно отмахнулся. – Понадобитесь – свистну.

Торовы вышли.

– Строит из себя, пес старый, – процедил Василий, – властелина...

– Тише ты, – остановил его брат.

– Да, сейчас мы без дядьки никуда. – Василий вздохнул. – Зря мы вернулись.

– Не зря, – возразил Олег. – Все равно мы свое ухватим, потом свалим отсюда. А сейчас потерпим. Обещала сестра Гришкина приехать. А она просто так не поехала бы в эту глушь. Помнишь, Гришка что-то говорил и Натку из-за этого привязал к себе.

– Что-то насчет икон. Правда, я не в курсе...

– Ну ты действительно придурок. Дядька Лука тоже об иконах не раз говорил. Во-первых, стоят они прилично, во-вторых, еще что-то с ними связано. Надо выяснить, что именно.

– А как? – спросил Василий, обиженный за «придурка».

– Подпоим кого-нибудь из мужиков дядьки Луки и узнаем. Наверняка они в курсе.

– Да это хрен! Дядька Лука и Фильке, сыну, ничего не говорит...

– Мужики верняк что-то знают. Шут постоянно при дядьке Луке находится, вроде как секретарь-телохранитель. И где он его отыскал? А Шут как вмажет немного, на язык слаб становится, начинает трепаться. Главное – подзадорить немного, он все и выложит.

– Давай попробуем, – согласился Василий.

– Шут! – позвал Лука Демьянович. – Прислал тебя сынок, а на кой хрен, не знаю, – пробурчал он себе под нос.

– Звали, хозяин? – войдя в комнату, спросил мускулистый молодой мужчина.

– Тебя где носит?

– Чего изволите? – спокойно поинтересовался тот.

– Надобно к Василию в Белку съездить. Чтой-то молчит брательник. Может, приключилось что. Ты сегодня отправляйся туда на пару деньков и все там разузнай. Возвернешься – доложишь.

– Поехал я. – Шут повернулся к двери.

– Погодь. Все понял?

– Понял.

– Коли понял, отправляйся.

Поселок Белка

– Василий Демьянович! – заглянув в раскрытое окно, закричала женщина. – Сыны ваши звонят!

– Подождут, – равнодушно отмахнулся куривший у бани седобородый старик. – Скажи, пусть ожидают, пока батяка после баньки не примет кваску ядреного.

– Так я принесу телефон-то?

– Маманя моя родная, совсем память отшибло под старость, – усмехнулся старик. – Давай это чудо техники сюда. – Женщина протянула ему сотовый. – Ну что там за дела?

– Да потихоньку, батя. Пока ничего не выходит. Уже троих брали, но не получается...

– Я ж просил не бандюков готовить. Что-то вызнали о сокровищнице?

– Да нет такой. По крайней мере нигде о ней не упоминается.

– Вот что, сыны, меня не волнует, что нет сведений о сокровищнице. Ежели б было что, давно бы нашли. Я про место этих староверов спрашиваю. Святое место где-то у них имеется. В Хабаровске живет главный ихний. Вот у него и надо узнать. А вы, мать вашу, бандюков готовите. Этого дерьма у меня полна коробушка, сколько годов верховожу. Короче, поезжайте в Хабаровск и узнайте все про святое место наших староверов. Понятно, мать вашу?

– Это ты, батя, так про свою жену говоришь? – усмехнулся сын.

– Антоша? – узнал голос Василий Демьянович. – Приедешь, я те шкуру спущу! А ежели результата не будет, с обоих мясо поотрываю. Ясен хрен?

Якутск

– Вот и поговорили с батей, – усмехнулся длинноволосый здоровяк. – И что делать будем, старший? – спросил он крепкого молодого мужчину.

– В Хабаровск летим. – Тот взял телефон. – Сейчас билеты закажу, утром двинемся. И дело тут не в отце. Об этой сокровищнице и раньше много говорили, найти пытались, но безрезультатно. А староверы со своим Посланцем вроде копают. Помнишь, что сказал старик? Работают они. А вот где именно, не знают или не говорят. Похоже, Божьего гнева боятся больше ножа у горла. И хватит брать этих староверов, а то можно спугнуть. Тем более что никто ничего не говорит. Барышня, – услышав голос в сотовом, сказал он, – два билета до Хабаровска.

Москва

– Я, наверное, приеду, – сказала по телефону Ирина. – Завтра, ну, может, послезавтра. Не хочу, чтобы Маша и отец знали, что я снова в Якутию отправляюсь. И мы все решим с вашим поставщиком. Как Антон себя чувствует? Выздоровел?

– Да уж снова на рыбалку собирается, – услышала в ответ сердитый женский голос. – А мне представляешь каково? Я как узнала, что их троих на льдине унесло, думала, с ума сойду. Хорошо хоть, через сутки их вертолетом сняли. А он только выздоровел и снова собирается на рыбалку свою.

– Нинка, – рассмеялась Ирина, – ну что подделаешь? Мужики есть мужики. Кто охоту любит, кто рыбалку. Хорошо еще, что не по кабакам с девочками развлекается.

– Наверное, ты права, – засмеялась и Нина. – Ждем. Ты сразу, как билет купишь, сообщи. А то мало ли что...

– Хорошо. Обязательно позвоню. Привет Антону.

– Твоим от нас тоже.

– Мама, – в комнату вошла Маша, – можно я поеду с Иннокентием Яковлевичем? Группу собрали, отъезд завтра. На неделю. Платить...

– Куда? – перебила ее мать.

– На Урал.

– Во сколько отправляетесь?

– Ты у меня самая лучшая мама на свете! – Маша поцеловала мать.

– Что за праздник? – вышел из своей комнаты Андрей Васильевич.

– Дедушка, – повернулась к нему Маша, – я завтра на Урал отправляюсь, мама разрешила.

– Ну раз разрешила, то что поделаешь, – улыбнулся он. – Как говорится, с Богом. Правда, время сейчас очень беспокойное.

– Папа, – вздохнула Ирина, – сейчас и в подъезде могут ограбить и убить. Едут они с Иннокентием Яковлевичем. Надеюсь, он знает, что делать.

– Не верю я Штейну. У него все сводится к деньгам. По сколько он с вас собрал, Маша?

– По четыре тысячи.

– Ну а на какой срок едете?

– На неделю.

– Это еще по-божески, – улыбнулся Андрей Васильевич. – Бабушке позвони, она только через неделю вернется. Все делом заняты, – вздохнул он. – Один я...

– Папа, – поцеловала его Ирина, – ты приболел, а маму пригласили на слет почетных учителей.

– Да я же не против. В конце концов, я воспитал прекрасную дочь, сильного человека. – Он обнял Ирину. – Такое пережить не всякий мужчина сможет. И предательство мужа, и его подлость. Я горжусь тобой, Иринка.

Ирина опять поцеловала отца.

– Спасибо, папа. Ты пережил не меньше, если не больше.

– А я, значит, не переживала? – притворно обиделась Маша. – Ну и ладно...

– Ты у нас сейчас главная! – в один голос проговорили мать и дед, и все засмеялись.

– Я вот что решила, – заявила Маша. – Выйду замуж только в том случае, если муж согласится на то, чтобы я оставила свою фамилию. И чтобы у сына была моя фамилия. Или двойная, – увидев, как переглянулись дед с матерью, добавила девушка.

– Отлично, – сказал по телефону Лаврентий Павлович. – Надеюсь, у вас получится. В случае чего, немедленно связывайтесь со мной, вам будет оказана любая помощь. И помните...

– Я все помню, – перебил его мужчина. – Надеюсь, и вы не забудете о проценте, который...

– Конечно. Будьте совершенно спокойны. Вы получите все, как договаривались. Удачи вам.

Санкт-Петербург

– Послушай, Диана, – покачал головой рослый молодой мужчина, – не доверяю я Берии. Комар звонил и сказал, что там крутятся какие-то отморозки. Скорее всего эти люди – приятели Берии. Лавр не любит делиться. Базарок был, что он в начале девяностых подельника замочил, делиться не захотел. И я в это верю. Почему он так быстро раскрутился? Не было у него бабок, а как только...

– И что нам делать? – перебила его Диана. – Ты, Виталик, не желаешь иметь дело с Лаврентием. Но что мы можем? Ладно, если бы где-то в центре, а там, в Якутии, мы бессильны. Лаврентий многое может, у него есть знакомые и сообщники по всей России. А почему ты...

– Да я же говорил, что парни видели у него каких-то отморозков. Поэтому они и убрались оттуда. Но я вышел на одного знакомого, он в Якутии родню имеет. Вот если с ним договориться...

– Но ему нас бросить гораздо проще.

– Самуэль не бросит, – усмехнулся Виталий.

– Самуэль? – удивилась Диана. – Он откуда?

– Фамилия Данилы – Самойлов. Вот и кличут Самуэлем. Серьезный мужик, вес имеет. По делу о нападении на золотоприемную машину проходил. Вернее, на машину, которая перевозит золото. Тогда двоим вышак дали, а он малолетка был, червонцем отделался. Это как раз в девяносто третьем случилось.

– Но это давно было...

– Мы с ним кое-какие дела делали в прошлом году. Так что повязаны мы с Самуэлем. Я сначала верил, что, в натуре, Берия поможет. А потом подумал – вряд ли. Он же своих никого туда не послал. Вот и получается: найдем – нас в вечную мерзлоту, а он себе все хапнет, и...

– погоди, – остановила его Диана, – ты же не верил в это. И вдруг...

– Да мне так подумалось. Ну нет этой комнаты с сокровищами. Но ведь хоть что-то хапнем. Все-таки Якутия. Там золотишко есть и алмазы. В конце концов, уж пушнины там полно всякой, навар будет. Так как насчет Самуэля?

– Попробуй. А Комар сейчас где?

– В Якутске. Они там уже неделю торчат.

– А Комар Самуэля не знает?

– Во блин! – усмехнулся Виталий. – В натуре, знакомы они. Вот и звякну Комару. Пусть с Самуэлем перетрет это дело.

– А как с Лаврентием решим?

– Пусть он решает.

– Правильно, – улыбнулась Диана.

– Я вот что хотел спросить: откуда ты об этом узнала? Ну, про это дело?

– Эдик рассказал. Он в Якутию из-за этого и поехал. А тут Ирка в вертолет села. Он как раз Сопова встретил. Они хотели порасспрашивать о сокровищнице. Нам о ней один якут рассказал. В тех местах какой-то хребет есть, где с давних времен живут староверы, двумя пальцами крестятся. Помнишь, может, боярыня Морозова...

– Ну да, буду я себе голову разной хреновиной забивать. Значит, Эдик Гатов туда не просто так поехал, а я думал, только для того, чтобы Ирку угрохать.

– Да он это в последний момент решил. Когда звонил, говорил, что просто момент удачный. Все бы получилось, если бы этот беглый людоед не оказался таким благородным. Интересно, почему он ее спас? Я этого понять не могу! Ведь он сбежал из колонии, чтобы убить свою жену и ее любовника, и убил их. Но перед этим спас ее. И никто не знает почему.

– Может, подумал: иду убивать, так спасу бабу невинную. У меня однажды было так... Заказ дали на одну бабу. Там делов-то – трехкомнатная хата. В случае ее смерти зять хату получал. А я не смог, она на мою учительницу, единственную, кого я человеком в школе считал, похожа была. И не сумел. Ее все равно потом убили, а я не смог. – Виталий смущенно улыбнулся. – Хотя до этого уже три раза по заказу работал.

– Значит, ты еще и киллером был?

– Да, троих кончил, и совесть не мучает. Я в Чечне был снайпером в разведроте. Контузило меня. Домой приехал – голь перекатная. Мне пенсию через полгода дали, но так, с недельку поесть досыта. Тут один знакомый и предложил дело. Я согласился. Пять штук зелени получил. А делов – поймал на прицел и на курок нажал. Потом еще два раза. А вот бабу не смог и завязал с этим делом. С Самуэлем потом кое-какие делишки проворачивал.

– Так ты уже после армии сидел?

– Да. Треху за мордобой получил. Там и Самуэля встретил. Он после малолетки на взрослый поднялся. Скентовались мы с ним. Я думаю, поможет он нам.

Якутск

– Лады, – сказал по телефону плотный мужчина. – Мы и тормознулись из-за этого. Увидели отморожков двоих и какого-то старика. А просто так крутиться там никто бы не стал. Мы не стали рисоваться, сквозанули оттуда. А Самуэля я, понятное дело, помню. Он где-то под Якутском живет.

– В Нанцах, – подсказал Виталий, – так поселок называется.

– Понял, Нанцы. Сейчас берем тачку и к Самуэлю.

– Слушай, Комар, сразу к делу не подходи, сначала промацай настроение Данилы, понятно?

– Все будет путем, – ответил Комар.

– Да я вообще не понимаю, на кой черт меня послали к Войцевской, – недовольно проговорил Савиных. – Она еще не оправилась от потрясения. А мы ей снова соль на рану. Она все, что знала, рассказала не раз.

– Решили мужиков из нашей группы подставить, – усмехнулся рослый спецназовец. – Мол, виноваты, что Денов захватил вертушку. А они человека, раненного медведем, несли. Затащили в вертолет и назад к дому. Действовали по инструкции, а выходит – виноваты. Начальство судить надо – помощников из местных поисковиков дали. Благодаря этому Денов тогда и ушел. Якут, из этих помощников, угрохал наших и...

– Как она там? – не дал договорить спецназовцу вошедший майор.

– Волосы покрасила, – ответил Савиных. – Отец сказал, что седину она скрывает. Ее и дома пытались достать тем, что человека ела. А она им приготовила кашу здоровья! – Он рассмеялся.

– К нам не собирается? – спросил майор.

– А она тебе, Журин, вроде понравилась! – рассмеялся Савиных.

– Хорошая женщина, – кивнул тот. – И красивая, и человек хороший. Кстати, говорят, охотники на волков очень благодарны ей. Рассказывали они, как она от радости круги вытанцовывала, когда узнала, что человечину не ела. Так никто и не понял, почему Денов ее спас. Ну ладно сразу, после падения вертолета, в горячке. А дальше почему тащил ее и помогал? Непонятно. И выбросил ее у волкодавов. Только потом сделал то, ради чего бежал, – убил хахалю женушки и с ней под лед ушел. Правда, кое-кто не верит, что Денов мертв. Да и я хотел бы увидеть его труп. Прошло четыре месяца, а тело Денова так и не нашли. Женушку его нашли, установили, что это Наталья Денова. А вот Ивана нет. Хотя шансов выжить у него не было никаких. И тем не менее полной уверенности нет. Правда, он бы уже дал о себе знать, если бы был жив. Он вместе с женой прыгнул в воду и ушел на дно. Это то единственное место, где можно было прыгнуть в разбитую взрывом полынью. Выбраться он не мог, течение утащило их. Жену нашли почти в восьмидесяти километрах от Выселок. А вот Денова нет. Правда, у реки ниже по течению пять ответвлений. И труп могло затащить в одно из них. Искали, но не нашли. В общем, Денов сейчас как бы без вести пропавший.

– А вы что думаете? – спросил Савиных.

– Надеюсь на то, что он мертв, – вздохнул Журин. – Правда, даже слухов о том, что Денов жив, нет. Население постоянно опрашивают. Очень хотелось бы найти труп Денова.

– Пацан его вроде не волчонок, – сказал Савиных. – Видел я его. Когда лед растаял, туда водолазов привозили. Правда, родители Денова там не появились.

– Да оно и понятно. Кому приятно видеть обезображенный труп сына?... Правда, было мнение, что Деновы не пришли потому, что знают – сын жив. Хотя мать Ивана отпела его. Они же староверы и по-своему это делают. Но факт есть факт: отпела она сына... А что это мы все о Денове, как будто вот-вот что-то о нем узнаем? Намутил он водицы! Хотя все-таки так и непонятно, почему он Войцевскую спас. Она говорит, что не раз его спрашивала, чем он ее кормил. А вот о том, почему спас, ответа не помнит. Это и неудивительно, ее мысли были заняты другим – что она ела? Помню, как она узнала от него, что он людей ел. Сначала, говорит, не поверила, а потом поняла – он не шутит, и не знала, что делать. Но хуже всего ей, конечно, было, когда ее нашли. Были сочувствующие, которые постоянно напоминали о том, что она, возможно, людоедка. Вот, черт возьми, ситуация! Так собирается она в наши края или нет?

– Как там мальчишка? – спросил по телефону седой человек.

– Это вы, Семен Аркадьевич? – поинтересовался мужчина.

– А кто еще может спрашивать о внуке Деновых? – усмехнулся седой.

– Пару раз какая-то баба им звонила и мужик. Номер не определился. Баба представилась сотрудницей службы социальной защиты. Мужик не назвался. Так что вы не один...

– А это уже любопытно. Кому так интересна судьба Лешки Денова? Ну а ты мою просьбу помнишь?

– Нигде ничего не слышал. Ванька Денов мертв. Кстати, мать его, Тамара Васильевна, заказала панихиду. По крайней мере так говорят. Да и отец Ванькин, дядька Афанасий, другим стал. Торовы оба вернулись. Народ ворчит. Они к Луке Демьяновичу приехали. Пока вроде тихо, но...

– А ты, Салтыков, для того там и поставлен, чтоб тихо было. Понимаю, что нелегко тебе будет. Отвыкли в Выселках от честного участкового. Но будешь твердо держать свои позиции и не давать спуска разным деятелям – начнет верить тебе народ. А доверие для участкового в такой глуши главное. Ты везде на своем участке побывал?

– Нет еще. Я в основном по реке вниз ездил, насчет Денова интересовался. Все рты раскрывали. Так он же, говорят, утопил бабу свою и сам утоп.

– Дай Бог, чтобы это так и было.

– Что-то раньше вы так не говорили! – Чувствовалось, что собеседник улыбается.

– А ты, Юрка, замечания бывшему начальнику делать не смей! – Семен Аркадьевич засмеялся.

– А вы, товарищ полковник, бывшим начальником никогда не будете, я вам...

– Хватит, Юрий, – остановил его Семен Аркадьевич. – В общем, помни: узнаешь что-то, сразу свяжись со мной. В любое время. Понятно?

– Так точно, товарищ полковник.

– В отставке я, – пробормотал Семен Аркадьевич. – Хотя мент – это навсегда. Когда Денов сбежал, ко мне обратились. И плохо, что сразу не прислушались.

Поселок Нанцы

– Я хотел бы со Стрелком перетереть, – проговорил худощавый молодой мужчина.

– Ты скажи, согласен или нет? – спросил Комар.

– После базара со Стрелком отвечу.

– Слушай, Самуэль. Стрелок тебе скажет то же самое. Если ты согласен, то он прилетит. В том районе не раз видели отморожков. Поэтому мы оттуда и слиняли. Нам нужны люди.

– А если это туфта?

– Тогда получишь пять тысяч евро, это минимум.

– Тормозни! – Самуэль удивленно посмотрел на Комара. – Что-то ты загнул, приятель. Откуда у Стрелка такие бабки?

– Не у Виталика. У кого точно, сказать не могу, но то, что пять кусков евро ты получишь, если ничего не выйдет, сто процентов даю. Если в натуре эту хренотень найдем, то все станем богатыми. Ты думаешь, я просто так на это подписался? Бабки наверняка будут.

– Ладно, звони Стрелку. Я подписываюсь только потому, что слышал базар об этой хренотени, сокровищнице мертвых.

– А где слышал? – спросил Комар.

– Да недавно в Якутске. Был у приятеля на дне рождения, у Толстяка. Он по нашим меркам вроде как козырной фраер. Вот там какой-то умник базарил: мол, есть интерес у деляг из Хабаровска к сокровищнице мертвых. Давным-давно какой-то пахан староверский, главный поп или как там, своих родственников где-то в скалу замуровал в золотых гробах. Ну и сейчас узнал этот умник, что какие-то деляги из хабаровских ищут то самое место. Умника, кстати,

вчера зарезали. А кто и за что, не в курсе ни менты, ни мы. Толстяк вроде шарить начал, кто его замочил, но пустой номер.

– Ладно, об этом никому больше.

– Ты меня за кого принимаешь?

– Да хорош тебе! – Комар отключил связь и начал набирать новый номер на сотовом.

Тикси

– Ира приезжает, – сообщила вошедшему мужчине молодая женщина.

– Когда?

– А ты, Антон, снова на рыбалку собрался? – сердито спросила она. – Забыл, как...

– Так льда уже и в помине нет, – рассмеялся тот. – А ты говоришь, будто это вчера было.

Иринка, наверное, так же подумала. Какой лед в июле?

– Но бывает же, проходят куски льда, – смутилась женщина.

– Успокойся, Нина, – Антон обнял ее, – никуда я не собираюсь. С Жереновым надо что-то решать, а то возомнил себя крестным отцом, черт его побери!

– Перестань. Вот Ирина приедет, она его быстро на место поставит. А то, видите ли, ему платят мало. Думает, он один такой и больше ни с кем не договоримся.

– Я давно предлагал Ирине свое судно завести.

– Иринка приедет, с ней и говори об этом. Сейчас надо решать с Жереновым. Степан совсем обнаглел.

– Хватит, – Антон рассмеялся, – а то закипишь!

В дверь позвонили.

– Кого еще принесло? – Антон вышел в прихожую. – Кто там? – недовольно спросил он.

– Да я это, – услышал он. – Может, не вовремя?

– Павлина Андреевна, – Антон узнал голос, – вы всегда гость желанный. Милости прошу к нашему шалашу.

– Я с бедой к вам. – В дом вошла пожилая женщина. Сняв туфли, перекрестилась на правый угол. – Никак иконку не повесите.

– Да не верю я в Бога-то, – улыбнулся Антон.

– Это уж твое дело, а иконка должна быть в любом жилище. Худа от нее не будет. А Савелия моего заарестовали.

– Савелия? – в один голос удивленно спросили супруги. – За что?

– Да все за то же, будь неладен людоед этот. Прознали как-то, что Савелий мой с Ванькой в хороших был. Потом, правда, меж них ссора вышла, но милиции нашей на это плевать. Приехали, ироды, и забрали Савелия. Ведь он тогда был в тех местах, и...

– Подождите, – остановил ее Антон. – Савелий, насколько я помню, был внизу, у сопки, вместе с солдатами.

– Вот именно что у сопки сидел с ними, значит, отвлекал их, пока Ванька свое дело там делал. Варька позвонила, плачет: мол, Савелия с утра забрали трое милиционеров на машине. Я к вам и пришла. Надо позвонить Ирине Андреевне и сообщить, какая беда у нас. Спасибо ей, конечно, за Мишутку, но ведь Савелий ее тогда в сопки-то повел. Пусть она скажет в Москве начальству высшему, что невиновен Савелий. А то ведь закроют его в камеру. Говорят, за такие дела сейчас и на всю жизнь в тюрьму засунуть могут.

– Ирина завтра или послезавтра сюда прилетит, – сказала Нина. – К ней тоже следователь приезжал и тоже из-за вертолета.

– Вот ироды! Иринка такое пережила! Ее Ванька от смерти спас неминуемой. А потом здесь нашлись, которые говорили Ирине, что она выжила, потому что мясо своего спутника ела. Она и собралась в сопки, чтоб Денова найти и выведать, как она живой осталась. Я и

позвонила Савелию – помоги ей. Не верила, конечно, что Ирина с Деновым встретится, а она нашла его. В вертолете том и встретились. Значит, прилетит Иринка-то?

– Да, – ответила Нина, – завтра или послезавтра. Вы побудете у нас?

– Мне на работу надо, дежурство у меня. Последний месяц работаю, на пенсию уйду.

– Савелия куда увезли? – спросил Антон.

– Да вроде в Тикси. Вертолет там садился. А мне отвечают, нет там его. Я уже ходила в милицию. Говорят, нет у них такого. Вот я и пришла к вам. Иринка все ж в Москве. А где сейчас правду искать, как не там? Ежели понадобится, я до Путина дойду. Понятное дело, ему не до таких мелочей, но вдруг подмогнет правду установить...

– Надо узнать, куда именно доставили Савелия, – сказал Антон. – Сейчас позвоню Калугину. Он майор милиции, работает в отделе по борьбе с организованной преступностью. Пусть все выяснит и свяжется с нами. Он хороший человек. – Антон набрал номер на телефонном аппарате.

– Может, чайку выпьете? – предложила Нина.

– Выпью. – Павлина Андреевна вошла вслед за ней на кухню.

– Подождите, – нахмурился Антон, – как я могу с ним связаться?

– Ничем помочь не могу, – услышал он женский голос. – Калугин сейчас в отпуске, и где он, неизвестно. Что у вас к нему?

– Помните дело о побеге Денова?

– А вы кто?

– Горохов Антон Михайлович, друг Ирины Войцевской...

– И что вы хотите узнать?

– Сегодня арестовали Степанова Савелия Федоровича якобы за то, что он помог Денову захватить вертолет около метеостанции.

– Да-да, помню. Но это дело закрыто, и никого по этому делу не задерживали. Прокуратура потребовала проверить, как Денову удалось захватить вертолет. Но комиссия дала...

– Извините, – перебил ее Антон, – но тетка Савелия Степанова говорит, что ей позвонила невестка и...

– Приезжайте с ней в управление, – остановила его женщина. – Восемнадцатый кабинет. Капитан Арович Марина Анатольевна. Я вас жду.

– Хорошо, мы сейчас приедем.

– Подожди, Арович. – Майор удивленно посмотрел на вошедшую в кабинет молодую женщину. – Какого Степанова?

– Сейчас приедут Гороховы и все объяснят.

– Чертовщина какая-то, – пробормотал майор. – Как приедут, ко мне сразу.

– Да ничего я не знаю ни о каком ключе, – покачал головой крепкий мужчина. – Я и не видел никакого якута. Ванька вертолет захватил около метеоточки, я внизу сидел, с майором Журиным, он тогда еще капитаном был. Водку потом пили, – усмехнулся он.

– Послушайте, Савелий Федорович, – сказал капитан милиции, – вы под видом проводника Войцевской пошли в тайгу для того, чтобы помочь Денову. Вы отвлекали находившихся...

– Да все уже не раз проверяли! – раздраженно перебил его Савелий. – А вы кто есть-то? И куда вы меня привезли? Покажите удостоверение.

– Это надо было дома спрашивать. Но по закону мы обязаны удовлетворять любопытство задержанного. Капитан Ореликов. – Он раскрыл удостоверение. – Сержант Тузин, – кивнул он на рослого мужчину. – И младший сержант Вуйков. Находитесь вы на квартире. Вы не

задержаны, но с вами необходимо побеседовать, чтобы выяснить кое-что. Обвинений вам не предъявляют, но нас интересует, где ключ, который якут передал Денову?

– Да не пойму я ни хрена, о каком ключе вы говорите! – разозлился Савелий. – Короче, вот что, мент, – он поднялся, – давай меня в камеру и прокурора позови. С тобой я больше говорить не буду.

– Да как же не было там ваших? – сердито говорила Павлина Андреевна. – Трое были. Один со звездами на погонах. Двое других в форме и с автоматами. Они посадили Савелия в машину и повезли к вертолету. Вы позвоните Варе, она вам все обскажет. Это что же получается-то? Забирают мужика и отказываются сказать, за что. Да я до самого...

– Успокойтесь, Павлина Андреевна, – мягко произнес майор, – сейчас все выясним. Готовь группу к вылету в Топь, – приказал он стоящему около двери старшему лейтенанту. – Арович, – посмотрел он на Марину, – вы с Павлиной Андреевной...

– Я тоже полечу, – быстро проговорила женщина. – И сама Варьку обо всем спрошу. Я с вами полечу, – повторила она.

– Хорошо, – кивнул майор. – Арович, отвечаешь за Павлину Андреевну головой.

– Да я и сама еще спуску никому не дам, – проворчала та.

– И что делать? – спросил по телефону капитан. – Он...

– Отпустите, – услышал он. – Зря вы это затеяли. Дело прикрыли, а ты...

– Я? – зло перебил капитан. – Меня послали...

– Все, отпускаяй. Припугни и отпусти. Да он и сам никуда не пойдет, кто ему поверит?

– Нас его баба видела.

– Придумай что-нибудь, ты же мастер на такого рода штуки. Убивать его нельзя, тогда точно дело начнут, а это нам на хрен не надо. Вы просто отсидитесь на курорте, и все дела. Никто ничего не узнает. Да и не поверят, фамилии он не запомнит, а если даже и так, ничего это ментам не даст. Отпустите его. На вертушку и выбросите недалеко от его поселка и подальше от дороги. Работай, Гауптман.

Капитан вернулся в комнату.

– Сейчас вас отвезут домой, – сказал он Савелию. – И убедительная просьба: о нашей беседе никому ни слова. Мы товарищи убитого в сопках старшего лейтенанта Морозова и просто проверили вас на предмет связи с Деновым. Извините. И повторяю – никому ни слова.

Горное плато

В пещере на покрытой медвежьей шкурой кровати лежал мужчина. Длинные волосы и борода, изуродованные, покрытые рваными шрамами лицо и руки. Он хрипло застонал и открыл глаза.

– Кто я? – чуть слышно спросил он. – Почему, когда усну, одно и то же вижу? Кто я?

В пещеру вошли две женщины в длинных темных платьях с тарелками в руках.

– Спас тебя Господь, – перекрестившись, поклонились они. – Сейчас покормишься, болезный.

– Кто я? – с трудом произнес мужчина.

– Страдалец за дела праведные, – ответила одна. – Изверги из рода сатаны убивали тебя, но Господь уберет твою душу и тело, он спас тебя. Ешь, родимый! – Зачерпнув деревянной ложкой наваристых щей, она поднесла ее ко рту мужчины.

– Спрашивать начал, – усмехнулась стоявшая у входа в пещеру Фекла.

– Знаешь, милая, – сказал стоявший рядом Старец, – я сам был бы не прочь узнать, кто он есть и как оказался в священном озере. И как выжил. Весь израненный, обмороженный, но живой. Он действительно спасен Господом нашим. – Старец перекрестился.

Несколько человек в шахтерских касках с закрепленными на них фонарями осторожно продвигались по узкому лазу.

– Осторожнее, – предупредил первый. – Здесь спуск крутой и вода даже зимой не замерзает.

– А сколько до воздуха? – осветив мокрый свод, спросил третий.

– Около десяти метров.

– Не рухнет? – опасливо спросил последний.

– Нет, своды укреплены. А дальше рабочий участок.

Впереди показался вход в освещенный факелами большой грот. Пятеро человек пролезли в него. Поднялись и увидели четверых людей, кирками бивших каменную стену. Четыре женщины сгребали в тележки битый камень и землю и высыпали в углубление.

– Обед, – объявил один из вошедших. Двое мужчин внесли солдатский бачок-термос. Рабочие встали на колени и начали читать молитвы.

– Приручил он их, – усмехнулся кто-то.

– Вот так и живем, – кивнул проводник.

– А куда ссыпают это? – спросил рыжеватый верзила.

– В яму со вставленной в нее трубой, – показал в угол проводник. – А там промывают. Нередко попадаете золото. В основном песком, но пару раз были и самородки. Один весил двести пятнадцать граммов. Дважды попадались мелкие алмазы.

– А они это спокойно воспринимают? – кивнув на молящихся, тихо спросил молодой мужчина с тонкими усиками.

– Совершенно спокойно. Все, кто тут находится, нагрешили в прошлой жизни. А здесь они получают прощение грехов и место в раю. Но сначала им придется побывать в аду. – Проводник усмехнулся.

– А несчастные случаи были? – поинтересовался рыжеватый.

– Четверых завалило камнями в третьей шахте. Двоих инфаркт на тот свет отправил. Работают в четыре смены по шесть часов. Всего здесь сорок пять человек. Кто-то на пробивке, это здесь. На помывке грунта. Пожилые есть, человек двенадцать, они собирают грибы, ягоды, растения лечебные и съедобные, которые в дни поста едим. Сюда в основном приходят сами. Конечно, и мы набираем бичей, туристов, которых искать не будут. Таких двенадцать человек, их постоянно охраняют.

– Почему здесь пробиваете? – спросил мужчина с усиками.

– Здесь раньше были проходы. И не исключено, что могилы где-то в этих местах.

– А ты веришь, Ерема, что есть эти могилы? – спросил рыжеватый.

– Верю. В Бога не особо. На Руси староверы со времен царя Алексея Михайловича живут. А разница-то в чем? Двумя пальцами крестятся, курение считается грехом, и еще есть кое-какие отличия от теперешнего православия, но я не вникаю, я здесь потому, что хочу богато пожить.

– А сколько ты уже здесь?

– В общине пять годков. А здесь два года. Место уж больно удобное, незамеченным никто не подойдет. А если и подойдет, сразу не отыщет. Здесь ходов видимо-невидимо. Мы и то не все знаем. Пойдемте, все я вроде вам показал.

– А посмотреть то, что находите, можно? – спросил мужчина с усиками.

– Это уже с нашей Хранительницей разговор будет, Фекла такими делами занимается.

– А кто они такие? – спросила Фекла.

– Покровители наши, – ответил Старец. – Охраняют и все нам поставляют. Я тут не по собственной воле, но люди тянутся к правде Божьей, помочь им надобно и проводить из жизни,

ежели преставится кто. Власти меня завсегда преследовали. И в колонии дважды был за веру. Но Господь помогает все перенести и тут поможет. – Он перекрестился. – Ежели захотят что-нибудь купить и обратятся к тебе, продай. Но немного. Алмазы и золото постоянно в цене растут. Надо и о себе думать. Покажи им последние находки и скажи: это все, что есть. А остальное в наш тайник снеси. Господь простит такое решение.

– Слышь, Арсен, – обратился к мужчине с усиками рыжеватый, – как тебе это?

– Не думал, что такое увижу, – усмехнулся тот. – Рабы в полном смысле этого слова. Я бы предпочел сдохнуть, пулю поймать или нож. В общем, не смог бы я так жить. Надо попросить показать товар. Надеюсь, цену они не заломят. – Он подмигнул он верзиле.

– Надеюсь и я, – усмехнулся тот.

– А как тебе, Эдик, Ерема? – спросил Арсен.

– Тот еще тип. Да и Старец тоже зверюга. Видел я его глаза, как будто к бою готовится. Тут, говорят, какой-то придурок есть, Богом спасенный. Вот посмотреть бы на него.

– Вряд ли нам его покажут, – сказал Арсен. – Он для них вроде талисмана. Люди ходят, чтобы к нему прикоснуться. Правда, говорят, и бабки с этого Старец имеет, посланник Божий, – хохотнул он.

– Интересно, кто это придумал? – спросил Эдуард. – Ведь их действительно найти могут. Но делиться, я думаю, Старец не станет. Глаза у него не те, чтоб можно было ему доверять. Я бы такого не хотел за спиной в тайге иметь.

– Согласен, – кивнул Арсен. – Но надо поговорить с этой свеклой.

– Феклой, – рассмеявшись, поправил его Эдуард.

– Да вы что, мужики, – испуганно пробормотал мужчина в болотных сапогах. – Я ж заблудился. Из Таежного я.

– Он был рядом со входом, – доложил вошедшему в грот Старцу рослый бородач с «винчестером». – Это его, – кивнул он на двустовку двенадцатого калибра, набитый патронташ, фляжку, нож в ножнах, две пачки «Примы», два коробка спичек, пачку чая, алюминиевую кружку. – И деньги, – он протянул Старцу рубли, – три тысячи ровно.

– Документы твои, сын мой, где? – тихо спросил Старец.

– Так это, – вздохнул тот, – потерял, наверное. Я из Таежного, – повторил он. – С мужиками втроем пошли. Я Павел Тенов. Меня все Тенью дразнят. А потом разругался по пьяному делу с Сергеем Бодуновым и ушел. Да, видно, заплутал. А тут гляжу – вход и следы человеческие, я и пошел...

– Не гневи Господа, сын мой, – тем же тоном произнес Старец. – Неправду баешь. Не принуждай к насилию над собой. Боль адскую испытаешь, ежели правду не скажешь. Пока я здесь, не тронут тебя слуги Божьи. Но как уйду, примутся они за тебя. Покайся, сын мой.

– Да я правду говорю! – заорал Тенов. – Вы пошлите в Таежный...

– Узнайте истину, – кивнул Старец и неторопливо удалился.

– Да я не вру! – снова закричал Тенов.

Сильный удар в живот заставил его упасть.

– Он точно один был? – спросил Старец у могучего чернобородого мужчины.

– Один, Посланец. Его заметили у ручья. Он пошатался по склону и пошел к гряде. Видно было, что искал что-то. Узнают сейчас у него все.

– Вот что, Воин, наших уже трое пропали. Так что глаз да глаз нужен. Ищут супостаты подход к нашим владениям, знают, изверги, что не станем мы просить защиты у власти.

– Матрену нашли, росомаха ее затрепала. Там и положила. Потом волки ее погрызли.

– Где похоронили? – спросил Старец.

– Там же и предали земле.

– Ну, красавица, – усмехнулся Арсен, – показывай, что у тебя есть.

– А вот что имеем! – Фекла достала из кисета два маленьких алмаза, а из другого высыпала горсть золотого песка.

– Ого! – Арсен взял один алмаз. – Отличный камушек. А золотишко не промышленное? – Он смел золото на ладонь. Нашел золотинку покрупнее и ссыпал остальное золото назад. Вытащил из нагрудного кармана металлическую коробочку и положил золотинку в отверстие посередине. Закрыв коробочку и нажал кнопку. – Ювелирное.

Фекла с интересом смотрела на прибор.

– Определяет качество золота, – улыбнулся Арсен.

– Сколько за все это? – спросил Эдуард.

Поселок Топь

– Савушка, милый! – обхватив шею мужа, плакала русоволосая женщина. – Я тебя уже и видеть не чаяла. А ты...

– Да нормально все, Варюша, – успокаивая жену, пробормотал Савелий. – Просто поговорили малость, и все дела. А это кто такие? – Он посмотрел на стоявших около двери пятерых милиционеров.

– Так я тете, как тебя увезли, звонила. Она к Гороховым, друзьям Ирины, пошла, и они в милицию поехали. Кто ж тебя забрал-то? Ведь не арестовывали тебя, говорят.

– Да просто какие-то менты решили припугнуть. Одного из них убили, когда Денова ловили, а я же знаком с Ванькой-то, вот меня за горло и взяли. Мол, ты знаешь, кто ему помогал.

– Вы помните фамилии этих, как вы говорите, ментов? – спросила Марина.

– А ты кто будешь, барышня? – посмотрел на нее Савелий.

– Капитан милиции, сотрудник уголовного розыска Арович.

– Во, блин, первый раз вижу розысника-бабу.

– Вы помните фамилии лжемилиционеров?

– Да ну их на хрен, буду я себе голову всяким дерьмом забивать.

– Но внешность вы описать можете?

– Да мент – он и в Африке мент, – усмехнулся Савелий.

– Ты это, – строго проговорила вышедшая из детской тетка, – не кажи характер свой. Тебя ж, дурака, выручать приехали. Говори, что знаешь.

– Да ладно тебе, тетя Паша, – виновато проговорил Савелий, – просто, в натуре, там...

– По-человечьи говори, а то палку возьму! – пригрозила Павлина. – Ирод, прости меня Господи! Люди в такую даль прилетели, чтоб тебе, ироду, подмочь, а ты тут...

– Все, тетя, – кивнул Савелий. – Трое их было, капитан и два сержантика. Капитана Ореликов фамилия. В удостоверении она написана. Одного сержанта Тузин фамилия, а другого не помню, то ли Булов, то ли Буйков.

– Вы можете поехать с нами и составить фотороботы? – спросила Марина.

– Конечно, поедет, – сказала Павлина Андреевна. – Заодно и мне поможет. Кран протекает в ванной. И нарисуй этих бандюков как следует. Память у тебя хорошая.

Поселок Белка

– Значит, говоришь, беспокоится? – усмехнулся Василий Демьянович. – А как там Торовы-то живут-поживают? Живы еще?

– Живы, – кивнул Шут. – Правда, лишний раз бояться нос на улицу высунуть. Народ на них сильно зол. Мужики так и говорят: ежели подловим где, обоим похороны устроим. И

участковый сейчас там новый, Юрка Салтыков, жесткий мужик и не из пугливых. Дядька Лука очень им недовольный. Он ему пару раз дорожку переходил. И братья сейчас за него опасно – часто приезжают менты, все Ваньку шарят, – усмехнулся он. – Не верят, что он утоп.

– Слышал. А что насчет ментов, которые были у метеорологов? Не попрытали их?

– Да закончили следствие и оправдали всех. Мент мента не посадит.

– Не говори чушь. Мало ль их сейчас сажают? Племяшей еле откупили. А на кой ляд они нужны, леший их знает. Что сейчас Лука думает делать?

– Да ничего особенного. Как и всегда, с мужиков дичь собирает, рыбу, если есть, ну и людишек отправляет за орехами.

– А что про Золотой ручей молчишь? Думаешь, не знаю? Братец, значит, решил золотишком пользоваться единолично. А ведь были планы вместе золото в том ручье мыть. Али забыл, кто Савельича угрожал тогда? Передай ему: все, что добудет, пополам делить надо, пусть не доводит дела до братоубийства. Я сыновей подключу, ежели не договоримся, так ему и передай.

– Хорошо, передам слово в слово. Что еще Луке Демьяновичу сказать?

– А ты мне сам лучше обскажи: тебя сын Луки к нему приставил? Филька хозяин твой?

– Мой хозяин Лука Демьянович. И за него я любому глотку перережу. Вы брат Луки Демьяновича, а говорите о нем, как о враге. Он никому ничего не должен. Я передам ваши слова. Если хотите войны, начинайте.

– А ты верный пес Луки. Прибить тебя надо бы, но верность я всегда уважал, а посему отпущу здоровым. Ты мне вот что скажи: как там Афанасий Денов? Никто у него из посторонних не был?

– Нет. Его люди на Золотом ручье запруду ставят. Вот и хотел Лука Демьянович уговорить Денова убрать отшель мужиков. Послал племянников, но они едва ноги унесли. Лука Демьянович после этого отослал племянников к едрене фене. Сказал, ежели понадобятся – свистнет.

– Так. Значит, и Денов на Золотом ручье. Столкнуться они могут. Все ж передай Луке, что слышал. Если кто попробует меня дураком сделать, кровь пушу. Лука ведь младший, должен соотносить, кто на что право имеет.

– Там его владения, и он сам...

– А кто ему отдал эти владения?! – зло воскликнул Василий Демьянович. – Кто Савельича убрал? В общем, сообщи ему, что я сказал. И давай дуй отсюда, пока я не рассердился окончательно.

Шут взял свой карабин и рюкзак и вышел из дома.

– Так, – сказал Василий Демьянович двум бородачам, – я должен знать, когда на Золотом ручье Лука начнет мыть золото.

Якутск

– Ни на кого не похожи, – сказал майор милиции. – Фамилии наверняка липовые, удостоверения тоже. Непонятно все это. Какие друзья погибшего офицера? Солдат и офицера убили якут и Денов. Якут покончил с собой в больнице, а Денов утонул. Что-то здесь не так.

– Надо искать этих троих, – проговорил мужчина в штатском. – А что там за вертолет был? – спросил он капитана.

– Устанавливаем. Пока неизвестно. Пытаемся...

– Погоди, Малин, – остановил его следователь прокуратуры, – как это неизвестно? Вертолет – не велосипед какой-нибудь. Выходит, запросто можно...

– Сейчас этих вертолетов, как машин незарегистрированных. Тем более вертушка вроде как самодельная. Из старья собрал кто-то, вот и летает. Неделию назад мы такой же аппарат забрали.

– Найти вертолет, – строго приказал майор.

– Ищем, – кивнул капитан. – Но вряд ли найдем. Вполне возможно, его уже разобрали. Такое тоже бывает. Сделают дело и законсервируют или вообще на части разбирают. Но на всякий случай надо частных в том районе проверить. Этим сейчас занимаются. Мы, в свою очередь, пытаемся выйти на всех, кто имеет вертолеты.

– Дело не в вертолете, – сказал мужчина в штатском. – Кому-то зачем-то понадобилось это ворошить. И я уверен, что дело здесь не в убитом офицере, хотя это тоже надо проверить. В последнее время поступают сигналы, правда, не подтвержденные, о возросшем интересе к поселению староверов в районе хребта Кулар. Но обращений от самих староверов не было. Их неоднократно проверяли и ничего противозаконного не обнаружили. А с этими троими надо разобраться. Кому и зачем это понадобилось? Трое вооруженных, переодетых в милицмейскую форму людей похищают поселкового охотника, а потом отпускают его. Хотя, впрочем, ничего странного тут нет. Им не нужен труп или розыск пропавшего тут. Однако они учитывают и то, что он будет говорить с нами.

– Привет, Стрелок. – К Виталию подошел Данила. – Шустро же ты прибыл. Значит, в натуре, серьезно?

– Очень серьезно, – кивнул Виталий. – А ты, значит, подписался? Комар базарил, что ты слышал про...

– Да. И мужика, который говорил об этом, хлопнули. Поехали.

Виталий пошел за Данилой к стоянке.

– Комар где? – спросил он.

– Я их на хате устроил. Незачем им рисоваться.

– Вот и столица Якутии, – улыбнулся Иннокентий Яковлевич. – Сегодня осмотрим город. Здесь есть немало интересного, – сказал он стоявшим вокруг трех девушкам и шестерым парням. – Сейчас едем в гостиницу, приводим себя в порядок – и на экскурсию по городу.

– А Якутия большая? – спросил Марик.

– Очень большая. И здесь немало достопримечательностей, которые можно увидеть только в Якутии. Есть несколько заповедников, национальные парки, заказник. Даже грязевые лечебницы имеются. Очень интересен якутский народный промысел – резьба по мамонтовой кости и моржевому клыку. Да, – увидев недоверчивые взгляды ребят, улыбнулся он, – здесь до сих пор находят кости мамонтов. Мы с вами побываем во многих интересных местах, побродим по тайге, увидим множество диких зверей, побываем у оленеводов. Кстати, – он посмотрел на Машу, – твоя мама испытала ужас зимней тайги, и я восхищен и преклоняюсь перед ее мужеством.

– А где она была? – спросил у нее высокий парень в темных очках. – Она тебе рассказывала?

– Почти ничего, – ответила Маша, – а я и не расспрашивала. Маме пришлось очень тяжело, и напоминать об этом не деликатно.

– Так, – Иннокентий Яковлевич кивнул на подъехавший микроавтобус, – наш транспорт. Грузите вещи и усаживайтесь. На душ и отдых полтора часа. Затем экскурсия по городу. Завтра посмотрим все, что можно, здесь и отправимся в тайгу. Сначала на берег реки Лена. Там очень много удивительного, впечатления незабываемые.

– Блин, – буркнул сидевший рядом с водителем микроавтобуса смуглый верзила, – детский сад.

– Да ну, – усмехнулся водитель, – ничего себе дети. Телки нормально выглядят, в самом соку. Если будет возможность, обязательно опробую москвичку. Ничего козочки, – подмигнул он верзиле. – Главное сейчас – вести себя спокойно, не спугнуть. Молодец Кешка, умно

придумал – молодежи и интересно будет, и заработают. Правда, я думал, их больше будет. А девочки очень даже ничего.

– У тебя, Софрон, одно на уме, – усмехнулся верзила.

– А на кой тебе, Ванька, бабки нужны? Скучно ты жизнь проводишь, Клыков. Ты хоть раз в кабаке приличном был? Стриптиз видел?

– А что, – усмехнулся верзила, – если стриптиза не видел, не жил, значит? У меня мать больная. Если б не болела, я бы ушел в тайгу на годик-другой, сделал денег и зоопарк бы открыл, хороший, не в клетках, а в больших вольерах чтоб звери жили. Людей бы на такое дело набрал, ветеринаров и...

– И кому это надо? – усмехнулся Софрон. – Ты вроде не пионер уже, а ведешь себя как...

– Как мужик себя веду, – прервал его Иван. – В зонах и то раньше за изнасилование спрашивали. А ты...

– Слушай, Клык, может, по понятиям потолкуем? Ты-то о зоне только слышал, а я два раза за решеткой был. И кто про насилие базарит? Все по любви и взаимному согласию. Я выгляжу очень даже ничего, и этим молоденьким москвичкам будет приятно провести со мной беседу о любви по-якутски.

– Смотри, Софрон, нарвешься на неприятности. Помнишь, что Людвиг говорил?

– Ша! – остановил Ивана Софрон.

К микроавтобусу подошел Иннокентий с ребятами.

– Милости прошу, гости дорогие! – Софрон вышел из кабины. – Зовут меня Софрон. Я ваш телохранитель и экскурсовод. По всем вопросам обращайтесь ко мне. Здесь, – он кивнул на микроавтобус, – мой напарник, хороший солдат и опытный телохранитель Иван Клыков. Добрый день, Иннокентий Яковлевич.

– Привет, Софрон, – улыбнулся тот. – Отвезите нас в гостиницу.

– Понял. – Софрон помог миловидной блондинке залезть в салон. – А у вас в Москве все такие красивые?

– Даже красивее есть, – усмехнулся Марик.

– А я по мужской части не специалист. – Софрон покосился на него. – Если ты...

– Я про девушек говорю, – перебил его парень.

– Хватит, Софрон! – одернул его Иннокентий Яковлевич.

– Только бы мама не узнала, что я в Якутии, – прошептала Маша.

Тикси

– Здравствуй! – обнявшись, одновременно проговорили Ирина и Нина, и обе рассмеялись.

– Здравствуй, Ирина! – Антон поднял ее сумку и чемодан.

– Привет, рыбак. Мне Нина говорит о льдине, а я удивляюсь: неужели там до сих пор...

– Бывает, и подходят льды к берегу, – Антон засмеялся, – в апреле.

– Как себя чувствует Павлина Андреевна? – спросила Ирина.

– Она была у нас вчера, – ответила Нина. – Савелия милиция забирала из дома. Ей Варя позвонила, вот она и пришла к нам.

– Поехали туда. – Ирина села на заднее сиденье «Нивы».

– Да никто его не арестовывал, – покачала головой Нина. – Какие-то трое в форме забрали его и на вертолете доставили в Тикси, переговорили о Денове и назад. Высадили его в пяти километрах от поселка. Он пришел домой, а Павлина Андреевна уже там с милиционерами. С настоящими. Сейчас ищут тех оборотней.

– А Павлина Андреевна где?

– Дома, – улыбнулся Антон.

– На работе, – поправила его Нина. – На пенсию все никак не уйдет. Врачи упрасивают ее остаться. Вот она и работает. И санитаркой, и медсестрой, и...

– Если бы не она, – вздохнула Ирина, – я бы, наверное, так и не узнала правду, скорее всего покончила бы с собой. Как вспомню то состояние, – она вздрогнула, – и сочувственные взгляды, особенно ехидные вопросы о том, чем я питалась зимой в тайге... – Она достала сигареты.

– А ты осветлила волосы, – сев рядом, оценила Нина. – Тебе идет. И помолодела, и...

– Седины много появилось, – вздохнула Ирина, – вот и покрасилась. А что тут у вас за разногласия с Жереновым?

– Приехала, – услышал по телефону полный невысокий мужчина. – Встретили ее Гороховы. Так что ты угадал, Степан.

– Уверен был, что приедет, – усмехнулся полный. – Проследи, куда поедут, а я сообщу в Питер, что появилась Войцевская. Интересно, на кой хрен она им здесь нужна? – отключив телефон, пробормотал он. – Надо ушки топориком держать, Степка, – сказал он себе. – Не просто так все это. В тот раз муж хотел ее угробить. Вертолет грохнулся, а она выжила. Мужа тут в тюрьме убил родственник погибших в том вертолете. Вот ведь свела судьба-злодейка – встретить в камере родственника погибших из-за тебя. Хотя, наверное, все равно убили бы.

– Павлина Андреевна! – послышался возглас. Повернувшись, она увидела стоявшую у двери Ирину.

– Ирина, с приездом, милая! К нам в Топь поедет обязательно, Варька и Савелий тебя ожидают. И Мишутка здоровенький. Если бы не ты...

– Если бы не вы, – сказала Ирина, – то что бы со мной было? Спасибо вам, Павлина Андреевна.

– Надолго заявись? – Павлина Андреевна вытерла слезы.

– Не знаю. Но в Топь обязательно наведаюсь. А что с Савелием?...

– Ищут тех оборотней. Савелий и не подумал, что они ненастоящие. Ведь его сколь разовывывали. А они просто о Денове спросили, о ключе каком-то. Он милиционерам не стал ничего говорить, только мне. Да он сам все тебе обскажет.

– Давайте вечером Антон привезет вас, и поговорим. Это ведь вы спасли меня. Я как подумаю, что если бы не вы и не Савелий...

– Хорошо, – согласилась Павлина Андреевна, – встретимся и поговорим.

Поселок Выселки

– Здравствуйте, Тамара Васильевна, – кивнул рослый старший лейтенант милиции. – Как у вас дела?

– Все нормально. А почему ты спрашиваешь?

– На Золотом ручье находятся трое мужчин, которые работают на вашего мужа. У них лотки – значит, моют золото. А это незаконно.

– Но у нас есть допуск на промывку золота лотками, – входя в комнату, проговорил Афанасий Семенович. – Покажи ему, Тамара, – сказал он, и женщина вышла в соседнюю комнату. – А ты, Салтыков, не с того начинаешь. Ну подумаешь, мужики золотишко моют. Сколько они там наскребут? Сейчас жизнь, сам знаешь, дорогая. А работы тут нет никакой.

– Да пожалуйста, – сказал милиционер, – только разрешение предъявите и трудитесь. А то выходит, что вы их наняли на работу, а они незаконно моют золото, которое вы, разумеется, государству сдавать не будете. Получается...

– Вот! – Вернувшись, Тамара Ивановна протянула Салтыкову лист с печатями. – И вот разрешения для мужиков, – она подала ему три удостоверения, – и фотографии есть, и...

– Ну тогда порядок, – улыбнулся участковый и козырнул: – Извините и до свидания. – Он вышел.

– Пес, – процедил Денов, – все шарит и шарит. Нарвется он, сука! А Торовых в упор не видит.

– Зря не наговаривай на человека, Афанасий, – покачала головой жена. – Он и тех троих, которые от Луки там проходнушку ставили, забрать хотел. Но предупредили их, они и сбегли. Так что зря ты на Салтыкова наговариваешь. Народ доволен им, он никому спуска не дает. И со всеми одинаково себя ведет. Вон и...

– Хватит! – гаркнул Афанасий Семенович. – Все они, ментовские шкуры, одним дерьмом мазаны! За счет других живут. Сейчас их вроде как Путин в узде держать стал. А он скоро уйдет от власти, и сызнова все начнется, как при Ельцине. И пенсии не будут платить, и террористы головы поднимут, взрывать снова в России будут. Про это все говорят. Нет сейчас у нас на Руси правителя, кроме Путина. А в наших краях, сама знаешь, раньше был прокурор медведь, – усмехнулся он. – Сейчас такие, как Лука, делают что желают. Лука тут, а в Белке и в районе – брат его Василь. Что Пеструха говорила?

– Да за иконами, твоими родителями оставленными, вроде как Григорий охотился. Поэтому и Наталью захомутал. И Торовы с ним заодно были. А ты помнишь, как тебе Василий Демьянович звонил, когда Ивана ловили? – Тамара Васильевна заплакала.

– Хватит воду лить, слезами горю не помочь. Хоть бы найти Ваньку, чтоб похоронить по-человечески. Жил, как зверюга, и успокоиться никак не может. За мои грехи, видать, страдание принимает. Да за весь род нашенский небеса с него спрашивают. Да не жги меня глазами-то, свою вину и так знаю. Хоть бы Лешка успел подрасти, прежде чем мы с тобой на небеса отправимся, иначе пропадет.

Тамара Васильевна выбежала из комнаты.

– Ведь я верил Натке, – вздохнул Денов. – Думал, все у Ивана наладится. А тут нате вам, как нож под лопатку. Снюхалась сучка с кобелиной заезжим. Не успел мужик в тайгу уйти, она уже с этим псом в постели оказалась. А он и возвратился. Лучше бы прибил обоих еще тогда. Да и не сбежал бы он, ежели бы она сына не бросила. И нам не отдала, сучка, – процедил он. – Соседи его нашли. А мы думали, с ней он. Паскудина!

Он посмотрел в сторону комнаты, откуда доносился мальчишеский голос:

– В атаку! Ура!

– В солдатиков играет, – улыбнулся Денов. – Натка ему многое подпортила. Ну ушла и ушла, и хрен на тебя с присвистом. Отдай мальчонку нам и катись под горку. Так нет! Ну и получила свое, сучка! А ты, Салтыков, значит, хочешь закон тут установить? Ну давай, пробуй. Поглядим, что у тебя выйдет. Но ежели супротив Торовых пойдешь, завсегда подмогну и делом, и словом.

– Ну что там? – спросил Лука Демьянович вошедшего Шута.

– Да как вы и говорили, – кивнул тот. – Василий Демьянович требует половину от всего, что сумеете намыть. Говорит, что...

– Половину? Ишь ты, губы-то раскатал. Пусть придет и сам моет. Этот Салтыков как пес цепной, надо с ним что-то делать, иначе ничего у нас не выйдет. Ну, племяши хреновы, такая надежда на них была. А теперь что? Да еще Васька выделяется. Если б вместе мы, то сумели б что-то сделать. А порознь навряд ли что получится. Там золотишка-то кот наплакал, а все-таки имеется. Нет, не выйдет, видать, ничего.

– Но трое от Денова моют, – вмешался рябой здоровяк.

– Значит, допуск на вольную помывку имеется, – сказал Шут.

– Ладно, – буркнул Лука Демьянович. – На допуске много не возьмешь. Да и государству сдавать желания нет. Свистни племяшей, Шут, может, они попробуют договориться с Салтыковым, едри его в корень.

– С Салтыковым договариваться бесполезно, – высказался худой мужчина в очках, – не подкупается ментяра. Уж сколько разов его пробовали закупить. Он же ученик этого, которого Чекистом дразнят. В отставке сейчас. Семен Аркадьевич Семенов, кажись. Он Лешку к Афанасию привез в тот день, когда Ванька Гришку хлопнул и с Наткой под лед ушел.

– Нет неподкупных, – процедил Лука Демьянович, – все от размера зависит. Зови их.

– Добрый день!

Сгорбленная старушка, обернувшись, увидела миловидную молодую женщину. За ней стояли двое крепких парней.

– Добрый день, коль не шутишь, – проворчала она. – Чего надобно-то?

– Вы Анна Ксенофонтовна? – спросила женщина.

– Да уж шесть десятков так зовут. А тебя как звать?

– Надежда. Я сестра Григория Постановова. Помните его?

– Господи, – всплеснула руками Анна Ксенофонтовна, – как же забыть-то! Говорил про тебя Гришка, упокой Господь его душу грешную! – Она перекрестилась на висевшую в углу икону. – Проходи, гостья дорогая. И вы, милые, проходите.

Парни вошли следом за Надеждой. Та, сняв шляпу, тряхнула головой с короткими светлыми волосами.

– Так. Вот вам сразу. – Она положила на стол стопку пятидесятирублевых. – Мы поживем у вас с неделю. Михаил, – кивнула она на парня в темных очках, – ваш родственник, я и Ленька его друзья. Не забудете?

– Да что я, без памяти, что ль? – Схватив деньги, старушка быстро пересчитала их. – А Гришка-то поболее давал.

– Это за неделю, – улыбнулась Надежда. – Нам нужен Васька Торков. Он был здесь участковым. Сможете позвать?

– А чего ж не позвать-то? Только они теперь не власть. Теперь Салтыков заправляет, тот еще гад. Самогон на днях весь вылил, отравились, говорит, лесорубы. А я-то при каких тут? У меня самогон знатный, никто не обижается. Так чего Ваське-то Торкову сказать?

– Передай ему это. – Надежда протянула ей кулон на цепочке.

– А у вас сладенького ничего нет? – спросила Анна Ксенофонтовна.

– Найдем, – улыбнулась Надежда.

Старуха пошла к двери.

– Во, блин, попали, – пробормотал Михаил. – Тут, похоже...

– Мы не развлекаться приехали, – остановила его Надежда.

Поселок Белка

– Шустро вы возвернулись, – посмотрел на сыновей Василий Демьянович. – И чем порадуете старика?

– Есть такое кладбище, – кивнул Антон. – Правда, узнали об этом с трудом, но не зря старались.

– А цена вашего старания, Антон, какова? – спросил отец.

– Труп оставили, – ответил Михаил.

– Ты, Миха, будешь говорить, когда батька спросит! – жестко осадил его Василий Демьянович. – Вы у кого спрашивали?

– У одного служителя староверов, – ответил Антон. – Он уперся и ни в какую. Хорошо, что его помощник слабаком оказался. Вот он и рассказал. Где-то в Якутии похоронили старо-

верскую семью в золоте и алмазы вставили. И таких гробов семь. Где именно, никто не знает. А вот на иконах, их тоже семь, есть что-то вроде карты для потомства какого-то Ильи Мученика. Так говорил помощник служителя. И вот что еще: кто-то ищет это место. За два дня до нас был похоронен столетний старик, тоже старовер. Он что-то знал об этих захоронениях.

– Понятно, – кивнул отец. – Значит, вот почему вы хотите иконы взять у Денова и у Луки. Думаете, это они и есть?

– У Денова три, – сказал Антон, – у дядьки Луки две. Значит, еще две где-то.

– Сначала надобно у Деновых и Луки забрать, – проворчал отец. – А Филька, сын Луки, тоже наверняка этим занимается. Вот что, – приказал он стоящему у двери здоровенному бородачу, – прознай все об иконах и о том, что делает Филька, о чем они с Лукой говорят. И вообще, какого черта он приезжает? Понял?

– Понятно, Василь Демьянович, – кивнул бородач. – Сейчас к братану поеду и все вызнаю.

– Охолонь, Зиновий, – остановил его Василий Демьянович, – это дело тонкое. Надобно так узнать, чтоб Лука тебя не заподозрил. Понял, дурья твоя башка?

– Понял, Василь Демьянович, – пробасил Зиновий.

Якутск

– Как здесь здорово, – прошептала русоволосая девушка. – Правда, жить тут я бы не смогла.

– Зимой здесь все по-другому, – сказал ее Марик. – А по весне бывает половодье.

– Я тоже иногда смотрю телевизор, – усмехнулась девушка.

– С остальными познакомилась? – спросил Марик.

– Я – да, – лукаво улыбнулась девушка. – С Витькой Астаховым. Хороший парень. Девчонки так себе, обе студентки. А ты, Машка, познакомилась с кем-нибудь?

– Не хочу, – ответила Маша. – Скорее бы в тайгу попасть. Хочу представить, что испытала мама. Конечно, сейчас не зима и все не так, но хоть посмотрю на дикую тайгу.

– А хотите новость? – подошел к ним крепкий парень.

– Виктор Астахов, – засмеялась русоволосая. – И что за новость?

– Деньги на обратный билет придется зарабатывать, – сообщил тот. – Так что романтики будет более чем достаточно.

– Иннокентий Яковлевич сразу предупреждал об этом, – напомнила Маша, – и поэтому нас осталось вполовину меньше.

– Еще пару дней, – сказал Иннокентий Яковлевич, – затем на Лену. Ну, там дня четыре-пять. А потом на работу. Эту новость все восприняли с энтузиазмом. Но не знаю, как там будет. Надеюсь, ты понимаешь, что заставлять их нельзя?

– Разумеется, – кивнул Филимон. – На какой срок можно рассчитывать?

– Недели две-три.

– Прекрасно.

– А теперь я хотел бы услышать об иконах. Нашли все или...

– Не гони оленей, Кеша, все надо делать не спеша и с результатом. Кстати, у нас есть конкуренты – брат отца и его сыновья. Один из них еще имеет вес в криминальной среде. Но нам легче. Две иконки уже есть. Где еще три, я знаю. А вот где две остальные, неизвестно. Да пока они и не нужны. Главное – знаем направление.

– Я бы хотел видеть иконы.

– Обязательно увидишь. Сегодня слетаем в Выселки к отцу, и посмотришь.

– А как же моя группа? – Штейн посмотрел на стоящих у входа в гостиницу парней и девушек.

– Успокойся, все будет нормально. За ними присмотрят. Кстати, у кого-нибудь из них есть влиятельные родственники?

– Нет, только у двух девчонок обеспеченные родители. Одна, кстати, твоя знакомая, – подмигнул он Филимону.

– Моя знакомая?

– Ирина Андреевна Войцевская – мать вон той красивой девушки.

– Это та баба, которую Денов спас?

– Да. Маша – ее дочь. Кстати, она сама напросилась, правда, с моей подсказки. Той, что рядом, – показал он на русоволосую, – отец стоматолог средней руки. Мать продавщица. Этот парень, что подошел, Витька Астахов, хулиганистый парнишка, осенью в армию уйдет. Неплохой спортсмен.

– Вот что, Штейн, дай мне список твоей группы, и пройдемся по каждому.

– Да базар какой-то начался, – вздохнул Самуэль, – в прошлом году. Но тогда боялись соваться в тот район. По осени один немец приезжал, вроде ученый, собирал разные байки о жизни в Якутии. Он опубликовал у себя на родине одну историю. Мол, в начале двадцатого века каких-то староверов похоронили в золотых гробах. Тогда и местные газетенки вспомнили, что власти искали эти захоронения. Потом все затихло, а тут этот немец. Я начал проверять и узнал, что это действительно имело место. А мы тоже из староверов. Я поехал к деду, взглянул на иконы. Их у деда две. И на одной я нашел какие-то линии и стрелки. Тогда поверил, что это всерьез. Начал наводить справки и решил обратиться к тебе. Мы все-таки были партнерами одно время. Знаешь, я удивился, когда ты сразу принял мое предложение. Кстати, может, объяснишь, почему прислал сюда людей?

– А ты все-таки игрок, Данила, – усмехнулся Виталий. – Почему сразу не рассказал?

– Ты забыл, кто стоял над тобой? Берия, а это очень и очень серьезно. Он мочит своих поделщиков, как хозяйка кур на обед. Мне такой расклад никак не подходил. Скажу откровенно: если б не твои связи с дельцами, я бы к тебе не обратился. Тут никого из серьезных нет. А самому за кого-то запросто можно под ментов попасть. У меня уже восемь килограммов золотишка лежит, а куда его толкать, не знаю. И боюсь, если честно. Сейчас то там менты взяли кого-то, то там. Поэтому и звякнул тебе. Но когда узнал, что ты под Лаврентием ходишь, отыграл назад. Он та еще сука.

– Ты говоришь, у деда твоего две иконы есть. Взглянуть можно?

– А чего ж нельзя, посмотрим. Спасибо деду, он не позволил их продать. Мне пару лет назад предложили приличные деньги за эти доски, и я бы отдал, если б дед кипиш не поднял. Он остановил меня не матом, хотя редко кто выдержит то, что он говорит и как. – Данила засмеялся. – Нет, сказал: если продашь – лишу наследства. А он немало имеет – фабрику по пошиву меховой одежды, пару стад оленей, свою охотничью бригаду. Бабки, можно сказать, просто так в карман падают. А сейчас я благодарен ему, что не позволил продать.

– Когда поедем к нему?

– А ты, Стрелок, стал деловым.

– Так на себя работаю.

– Понятно. А шкура тут при каких делах?

– Диана имеет свой интерес. К тому же у нее обширные связи в золотых кругах.

– И все? – усмехнулся Данила.

– Почти, – подмигнул ему Виталий.

Горное плато

Издав пронзительный крик, лежащий на покрытом медвежьей шкурой топчане длинно-волосый бородатый человек вздрогнул, открыл глаза и соскочил на коврик у топчана, упал на

колени и ткнулся лбом в каменный пол. Из разбитого лба закапала кровь. В пещерку вбежали трое мужчин и две женщины. Схватив мужчину, они уложили его на спину. В это время вошел невысокий мужчина в белом халате. Он сделал упавшему укол. В пещерку заглянула Фекла, покачала головой и ушла.

– Я уже говорил, – кивнул худой мужчина в очках, – трое пропали без вести в этом районе. Но он не подходит ни под одно описание пропавших. Да какая вам разница, Посланец Божий, я знаю, вы на этом деньги себе делаете.

– Не себе, сын мой, – негромко возразил Старец, – а на общее дело идут пожертвования. А узнать об этом человеке очень хотелось бы. Из него можно сделать жертву адского общества. И к тому же...

– А как вообще дела? – перебил его очкастый.

– Работаем, – отозвался Старец. – Правда, это тяжкий труд. Но Господь не оставляет нас. Вчера снова пришли несколько грешников. Труд исцеляет, а тяжкий труд открывает грешнику ворота в рай. – Он перекрестился.

– В Хабаровске убит староста Евпатий. Его послушника при нем пытали. Послушника убили сразу. Судя по всему, он что-то сказал.

– Что могут дать слова пытаемого? Человек слаб и духом, и телом, если живет без веры. Ты сам, сын мой, веришь в это?

– Постой, выходит, ты тут просто...

– Я верую и живу этим и тем, что помогаю людям приобрести веру.

– И тем не менее не забывай о доверенной тебе миссии, – холодно проговорил очкастый.

– Я все помню, сын мой. – Старец перекрестил его позолоченным крестом.

Тикси

– Маша звонила? – спросила по телефону Ирина.

– Да, – ответил отец. – У нее все хорошо. Но наверное, они не вернутся вовремя, поработают немного. Я и с руководителем группы говорил.

– Какая еще работа? – недовольно поинтересовалась Ирина. – Ведь они поехали в экспедицию.

– Ребятам предложили потрудиться для детского дома, ну и себе немного заработать, Маша, конечно, согласилась сразу. Не волнуйся, я же говорю, что беседовал с руководителем группы. Очень внимательный и порядочный человек. Уверяю тебя, Ирина, повода для беспокойства нет.

– Обо мне что говорил?

– То, что ты просила: мол, уехала на неделю в дом отдыха, чтобы никто тебя не тревожил. Маша отнеслась к этому спокойно.

– Что она сказала?

– Может, мама наконец выйдет замуж, – посмеиваясь, отозвался отец.

Ирина рассмеялась.

– Она помнит наш уговор и звонит каждый день?

– Конечно. В этом отношении я тоже очень строг.

– У меня все хорошо, я в Тикси. Погода на удивление теплая. Милиция дело прекратила. Правда, был напряженный разговор с Жереновым, но я убедила его остаться на прежних условиях. Он предложил свои услуги питерской фирме.

– Я тебе не раз говорил – надо иметь свое судно. Денег я добавлю.

– Я решу это осенью, – улыбнулась Ирина и положила трубку.

– Лихо она Степана на место поставила, – сказал Нине Антон.

– Да не согласна она, конечно, – раздраженно буркнул в телефон Жеренов. – И я чуть без ее денег не остался. В общем, вот что я скажу: есть желание – сами с ней договаривайтесь. Мне ваши дела ни к чему. Платит она хорошо, терять такого клиента ради ваших непоняток я не согласен.

– Ладно, – послышался ответ, – успокойся. Мы решим эту проблему. Сама к тебе прибежит.

– Она не прибежит, – нервно отозвался Степан, – найдет другого, и все.

– Увидишь, – ответили ему.

Поселок Выселки

– А кто этот молодец-удалец? – негромко спросил у Филимона Лука Демьянович.

– Все шуткуешь, батя! – усмехнулся сын. – Ему уже пятьдесят стукнуло. Мы работаем вместе, и как компаньон он меня вполне устраивает. У тебя-то как дела?

– Как сажа бела. Участковый нынешний, Юрка Салтыков, – зверь чистый. И нет никакой возможности с ним договориться. На Золотом ручье вроде как золотишко пошло. Малехо, но имеется. Мужики Денова там местечко облюбовали и моют на лотки. А моих с проходнушкой Салтыков наладил, едрена корень. Говорит, берите допуск, тогда и мыть станете. А на кой...

– Я считаю, тебе вообще это прекращать нужно, – перебил сын. – Теперь на это все строже смотрят. Сейчас тут золото берут по цене немного выше приемных пунктов. Вывезти почти невозможно. Те, у кого канал имеется, вывозят сами.

– Поучи отца птицу разделявать, – проворчал Лука Демьянович. – Я ж не для продажи его мою, а для производства. Ты ж говорил...

– С этим тоже не выходит. Во-первых, денег надо немерено вложить в цех и оборудование. Во-вторых, замучаешься получать разрешение. В общем, пока не выходит.

– Смею вас заверить, уважаемый Лука Демьянович, – подошел к нему Штейн, – сейчас производство золотых...

– А тебя кто за язык тянет? – ожег его взглядом тот. – Я для первого раза тебе вот что скажу: не садись к столу, коли не приглашают, а то и поварешкой по лбу получить можно.

– Извините, – посмотрев на Филимона, поспешил сказать Штейн.

– А ты сам, мил человек, как денюгу-то зарабатываешь? – поинтересовался Лука Демьянович.

– Покупаю у вашего сына мясо, меха и орех. И оба мы довольны. Правда, хотелось бы большего, но обижаться грех.

– Верующий, что ль? – нахмурился старик.

– Крещеный, – ответил Штейн, – и крест имеется.

– Неправильная ваша вера, – проворчал Лука Демьянович. – Крепка древняя вера. Вот мы, староверы, и есть настоящие верующие. А вы так!.. – махнул он рукой. – Сейчас вон по телевизору кажут – все в Бога верят. И президент крестится, и остальные. Даже этот коммунист главный, Зюганов, и то вроде как молится. А кто ж тогда церкви-то рушил да попов сажал, даже стрелял? Вот она, вера ваша. Зря ты с ним связался, Филька, – он взглянул на сына, – такой завсегда в выигрыше будет. А ежели коснется дела серьезного, и предаст али продаст.

– Иннокентий не предаст и не продаст, – заступился за напарника Филимон. – Не раз проверен. Ты нас, батя, кормить будешь?

– Скоро обед. Желаете, молочка с хлебушком откушайте. А ежели погодите, баньку с паром примите, хворь и усталость как рукой снимет.

– Хозяин! – В комнату вошел рыжебородый здоровяк.

– Емеля, твоя неделя! – засмеялся Лука Демьянович. – И чем порадуешь, едят тебя комары?

– Да все вроде нормально. С якутами договорились. Как будет пантокрин, нам первым поставят. Насчет шкур тоже все путем. И цена сходная. Они говорят...

– Иди отдыхай, – перебил его Лука Демьянович. – Потом мы переговорим обо всем. Так как насчет баньки? – спросил он.

– Но Гришка сказал, – Василий Торov потушил окурок, – сестру вроде звали...

– Вы согласны работать или нет? – недовольно спросила Надежда. – Григорий говорил, что можно обратиться к вам, если с ним что-то случится. Как чувствовал. Я ему не раз говорила – бабы до добра не доведут. О мертвых плохо не говорят, да и к чему это?... Вы будете работать или...

– Секундочку, Надежда Сергеевна, – остановил ее Олег, – что вы подразумеваете под работой?

– Вы будете делать то, что я вам скажу. Другого предложения у меня нет. Если да, то через месяц с небольшим получите весьма внушительную сумму, квартиру в Хабаровске, по машине российского производства. Выбирать будете сами. Но делать то, что скажу.

– Позвольте, уважаемая, – усмехнулся Василий, – а если прикажете убить, например?

– Придется убить, – спокойно ответила она. – Я могу заставить вас работать на меня. Григорий мне оставил кое-какие записи. Там разговоры и очень интересное видео. Помните свои развлечения?

– Вот сучонок! – пробурчал Олег. – Я его спрашивал о кассете, он сказал, что ничего не получилось. Вот сука!

– Попали, брат, – кивнул Василий. – А что...

– Сначала нужны иконы Денова, – перебила Надежда, – все. Сколько их у него?

– Три, – угрюмо отозвался Василий. – И у дядьки Луки две.

– А ты умеешь думать, – усмехнулась Надежда. – У вашего дядьки две. Их можно и не брать, а просто посмотреть. Потребуется минут пять, чтобы кое-что на иконах увидеть. У Денова их придется брать.

– У Денова? – Василий покачал головой. – Это невозможно. Он к себе домой вообще никого не пустит.

– Нужны иконы Афанасия Семеновича Денова, – заявила Надежда. – И чем быстрее вы придумаете, как это сделать, тем лучше. Для вас в первую очередь. Если вы в течение двух дней не принесете иконы Денова, я заставлю вас сделать это быстро и в тот срок, который укажу. Ясно? Или видеозапись попадет к вашим бывшим коллегам.

– Но тогда и мы можем кое-что поведать нашим бывшим коллегам, – усмехнулся Олег.

– Не думаю. Во-первых, это бездоказательно, а во-вторых, за то, что запечатлено на пленке, вам дадут лет по десять – двенадцать, и если заикнетесь обо мне, вы умрете. Поэтому я вам предлагаю работу, а не заставляю. Хотя вполне могу это сделать. Вопросы есть?

Двое парней, приехавшие с ней, усмехнулись.

– К дядьке Луке сын с каким-то типом приехал, – пробормотал Василий. – А он обычно...

– Узнайте, кто такой, – приказала Надежда.

– О нас никому ни слова, – предупредил Торovых Леонид.

– Так старушка, у которой вы остановились, говорит, что к ней племянник с друзьями приехал, – усмехнулся Олег.

– Участковый здесь как? – поинтересовался Михаил. – Берет или...

– Даже предлагать не советую, – ответил Василий.

– Понятно, – кивнула Надежда. – Это даже хорошо, что Анна Ксенофоновна говорит о нас. Хуже было бы, если б молчала. Молодец бабка. – Она посмотрела на Олега: – А ты не будь дураком. Мы сделаем то, о чем договаривались.

– В каком смысле? Мы будем гораздо полезнее, если останемся с вами. И вам хлопот меньше. Если нас возьмут, то мы вас сдадим, а если нас убьют, вы ничего не сможете сделать, а так что-нибудь придумаем. Дядька Лука, кстати, тоже про иконы Деновых говорил. Филька скорее всего и привез этого приятеля, чтоб тот посмотрел иконы. Ведь Филька свою копну молотит. Отцу ничего не скажет, он давно желает уехать в центр России, а дядька Лука против.

– Надо выяснить, кто это такой, – сказала Надежда. – Мы сумеем узнать о нем все. И если ты прав, то иконы надо взять раньше.

– Ладно, – кивнул Олег. – Нужно подумать, как увидеть иконы дядьки Луки. А вот с Деновым сложнее, даже не знаю, что предпринять.

– Что-то надо делать, – сказала Надежда. – Обдумайте все и обязательно узнайте, кто приехал с Филимоном. Желательно поскорее сообщите мне, и я узнаю, кто он такой и чем дышит.

– К Ксенофоновне племянник приехал, – взяв рюмку с водкой, сообщил плешивый худой мужчина. – С ним баба какая-то и парень. Никуда не выходят. А сейчас к ним Торовы пошли. Ксенофоновна их позвала, видать. – Он выпил.

– Закусывай! – Салтыков подвинул ему тарелку с едой. – Бросил бы ты пить, Гришка. Гляди, на кого похож стал. Зинка от тебя из-за пьянки и ушла. Детей не видишь.

– Менту стучу за опохмелку, – ухмыльнулся Григорий. – Кому я, на хрен, нужен такой? Работы нет, и как смотреть, когда пацаны жрать хотят, бабе надеть нечего? А я гроши, которые на детей дают, пропивал. Без меня им лучше. Мне уже немного осталось, печень разваливается. Я почему на тебя работать стал? Все началось с Торовых, они меня отмолотили прилично, в больничке полтора месяца лежал. А потом куда ни сунусь, никто не берет. Лука Демьянович вес мает в этих краях, все его слушают. Вот я и запил. Печень они мне, сучары, отшибли. А ты все ж опохмелиться даешь, иначе бы давно слег. Знаешь, как...

– Ты лучше поешь, – перебил его Салтыков. – Конечно, я неправильно поступаю, что опохмелиться тебе даю...

– Да правильно ты делаешь. Ты проверь этих, кто к Анне Ксенофоновне прикатил. Уж больно они нелюдимые. На кой хрен приехали, коли никуда не вылазят? И зачем Торовы к ним ходили?

– Обязательно проверю. Говоришь, к Луке Демьяновичу сын с кем-то приехал? Странно. Насколько я знаю, Филимон ни с кем не сближается. Спасибо тебе, Григорий. А вот насчет твоей больной печени я переговорю с врачами. Ляжешь в больницу, подлечат тебя.

– Ну это когда будет!.. Ты мне лучше на куреху дай, а то бычки поднимать у магазина стыдоба.

– Где вы ходите? – возмутился рыжебородый, глядя на подошедших к своему дому Торовых. – Лука Демьянович кличет.

– Чего ему надо? – хмуро спросил Олег.

– А я откель знаю? Я приехал, он тут же велел вас кликнуть.

– Сейчас курево возьмем, – кивнул Олег, – и сразу за тобой. Иди...

– Берите, да потопали, – проворчал Емельян.

– Какое курево? – шепотом спросил брата Василий.

– Пистолеты берем. Идти надо, но хрен его знает, что он надумал.

– Как иконы-то посмотреть? – тихо спросил Штейн.

– Вечерком, – отозвался Филимон. – Он всегда вечером в купель ходит, с полчаса там обычно бултыхается. Вот тогда и посмотришь.

– А зачем он Торовых зовет?

– Узнаем.

– Доброго вам здоровья, Лука Демьянович, – кивнул вошедший первым Василий.

– И вам не хворать, – ответил тот. – Мне вот что знать хочется: зачем Василию, это я про брата, иконы понадобились? Я вас спрашиваю потому, что вы тоже вроде как иконами интересовались. Помните, говорили, что Гришка Натку и увел из-за икон. А тут сестренка Гришкина появилась, и вы до нее хаживали. Так что скажете, племяши?

– А чего говорить-то? – пожал плечами Василий. – Дядьки Василия сыновья этим делом занимаются. А стоят доски очень прилично. Вот и сестра Гришкина тоже про них спрашивала. Правда, ей желательно глянуть, чтоб оценку дать верную.

– Только для этого? – уставился на него немигающими глазами Лука Демьянович.

– Так она говорила, – поддержал брата Олег.

– А что, – кивнул Лука Демьянович, – надобно узнать, что за богатство я имею. Надо будет показать этой бабенке иконы. Как ее кличут-то?

– Надька, – ответил Олег. – Фамилию не знаем. Если незамужняя, значит, Постанова, как у Гришки покойного.

– А чего вы не подмогли Григорию, когда Ванька с вертолета на крышу прыгнул? – усмехнулся Лука Демьянович.

– Да вы же говорили, чтоб не влезали, – обиженно напомнил Олег.

– Пожалел вас. Он бы вас обоих убил. А у речки не стал Иван кровь проливать, сына постеснялся. – Старик рассмеялся. – И ведь придумал, злыдень, – под лед вместе с бабой неверной нырнул. Ее нашли, а его до сих пор мертвым объявить не могут.

– Так звать вам Надежду или нет? – спросил Василий.

– Надобно будет, сам кликну. А вы вот что, племяши мои милые, ежели голову мне дурить мыслите, зазря надеетесь. Я старый, но из ума не выжил. И с вас шкуру спущу, ежели прознаю, что обмануть решили. Пошли вон!

Братья вышли.

– Филимон Лукич, – приоткрыв дверь бани, негромко позвал длинноволосый парень, – до вас сообщение имею.

– Ну что там, Песец? – спросил Филимон.

– К Луке Демьяновичу Торovy приходили, – Песец вошел, – и баба приехала, сестра Гришки Постанова.

– И что?

– Так она придет к Луке Демьяновичу смотреть иконы. Торovy говорили, что сестра Гришкина...

– Когда она придет? – перебил его Филимон.

– Не знаю.

– Что за баба? – спросил Штейн.

– Сестра убитого любовника жены Денова, Людоеда. Он из лагеря бежал...

– Надо опередить ее, – перебил его Штейн.

– Гришка тоже виды имел на иконы, – кивнул Филимон. – Поэтому и соблазнил бабу Денова.

– Ее нельзя отпускать, – зло проговорил Штейн.

– Держи, Песец! – Филимон сунул в карман Песца пятьдесят долларов.

– Благодарствую, Филимон Лукич, – пробормотал тот.

– Иди, – махнул рукой Филимон, – и если что узнаешь, махом ко мне.

– А что дальше? – спросил Штейн. – Если эта баба ввяжется...

– Посмотрим, что и как будет. Если вдруг иконы сумеет взять, далеко не уйдет, из района я ее не выпущу.

– Сможешь?

– Без вопросов.

– Надо посмотреть иконы, и желательно сегодня.

– Я же сказал – посмотрим.

– Сестра, говоришь, приехала? – процедил Афанасий Семенович. – И какого ее сюда нанесло, чего она тут забыла? Гришку отправили, как и положено, в гробу. А ей-то какого лучшего здесь понадобилось? Уж не насчет ли икон придет торговаться? Прав, выходит, батя был, ценность в иконах имеется. Я сколько годов думал и не мог понять, что там. А выходит, что-то есть... Пашка! Ну-ка неси из молитвенной иконы! Все три тащи.

– Перестань, Афанасий, – попыталась остановить его жена. – Разве можно...

– Стой! – крикнул Афанасий. – Права ты, Тамара, негоже это. Но есть в этих иконах что-то. На кой ляд они так нужны? Из-за них же Гришка Натку приголубил. А ведь знал, что Ванька так просто это дело не оставит. Да и Василий, брат Луки, тоже что-то про иконы говорил, когда обещался Ваньке помочь. Ладно, спрячу я их подальше. Для внука пусть останутся.

– Правильно, Афанасий, – вздохнула Тамара Васильевна. – А то...

– Давайте-ка лучше обедать. Лопать хочется! – Старик подмигнул жене. Она удивленно посмотрела на него и ушла на кухню. – Все вы, голубчики, сами придете... И уж не уйти вам. За Ивана я сумею поквитаться.

Поселок Ыйк-Куель

– А дед у тебя ничего, – сказал Виталий. – Сколько ему годков-то?

– Восемьдесят три, – улыбнулся Данила.

– Ни хрена себе! А не дашь. Я думал, лет шестьдесят еще.

– Идите, малыцы! – звучно позвал их от баньки пожилой мужчина. – Сполоснитесь малехо. С дороги банька самое то, весь устаток сымет. Вы это, – он указал на небольшой водоем метрах в двадцати от баньки, – как распаритесь, туды сигайте. Вода холоднющая, хворь любую изгонит и здоровья прибавит. Идите.

– Чтoб он показал иконы, – тихо проговорил Данила, – надо делать, как он скажет.

– Годится, – согласился Виталий.

– А я приказание отдам, чтoб жрать варили, – сказал старик.

– Федот Савельевич, – окликнула его с крыльца большого дома женщина средних лет, – чего готовить?

– Щей и пельмешек отвари, – ответил старик.

– Блин, – Виталий отшатнулся, – да тут сварись на хрен, дышать нечем...

– Дед идет! – Пригнувшись, Данила шагнул в парилку. Виталий двинулся следом.

– Как парок? – послышался голос вошедшего старика.

– Зашибись, – с трудом отозвался Виталий.

– Сейчас еще поддадим. – Старик выплеснул на кирпичную горловину тазик воды.

Молодые мужчины дружно взвыли от обдавшего их пара.

– Веничком пройдите тела-то, – закрывая дверь, посоветовал Федот Савельевич. – А минут через пять в воду – сразу помолодеете.

– Блин! – выдохнул, присевший на пол Виталий. – Похоже, мы тут и крякнем.

– Выживем, – отозвался Данила.

– А молодцы мужички, – сказал подошедший к крыльцу Федот Савельевич. – Я так не могу.

Из баньки выскочил голый Данила, за ним Виталий. Они одновременно прыгнули в воду. Раздался дружный вопль. К баньке мужчины бежали еще быстрее.

– Там же лед, – хмыкнул старик. – Вечная мерзлота. По сто грамм им поднесите моей настойки, – кивнул он в сторону баньки. Две женщины налили в стаканы красноватую настойку и пошли к баньке.

Якутск

– А где Иннокентий Яковлевич? – спросила Маша рыжеволосую плотную женщину.

– Поехал договариваться о дальнейшем маршруте. Меня зовут Маргарита Сергеевна, до возвращения Иннокентия Яковлевича я буду с вами. Дальше тоже, но уже под руководством Иннокентия Яковлевича.

– А сейчас что делать будем? – спросила другая девушка.

– Поедем в краеведческий музей.

– Она только с одной девчонкой и ходит, – сказал по телефону сидевший на заднем сиденье джипа с затемненными окнами парень. – Так что проблем никаких.

– Присматривайте за ней, – приказал мужчина. – Где Штейн?

– Без понятия. Он вчера исчез с каким-то...

– Ясно, – не дал договорить ему абонент. – В общем, запомни, Бегун, только наблюдение. Если она попытается уйти – берите.

– Ништяк. Если дернется – хапнем.

– И без жаргона желательно.

– Все путем.

– Кто с ними сейчас?

– С кем?

– Бегун, ты думать или хотя бы слушать умеешь? Кто с группой?

– Баба какая-то, ничего шкура. И какой-то мужичок, амбал. В тени, на расстоянии держится. А...

– Ладно. Надеюсь, ты все запомнил. Если попытается уйти – берите.

– Понятно.

– И не забудь еще одно: Иннокентий ни о чем не должен узнать.

– Да я в курсе, – хмыкнул Бегун.

Ык-Куель

– Какие-то линии, – пожал плечами Данила, – и ничего конкретного.

– А сколько всего икон? – спросил Виталий.

– Без понятия. Да и не знаю я, на кой хрен они нужны. Просто базарок идет, что с их помощью можно найти это захоронение. Может, иконы все вместе нужны. И если сложишь их правильно, будет ясно, где искать гробы. Иначе как тут понять – что это? Ну вот тут линия, – кивнул он, – а в другой чуток черточки, и в стороны какие-то запятые уходят. Ни хрена непонятно!

– Молодые люди, – в комнату заглянула женщина, – Федот Савельевич к столу приглашает.

– Идем. – Данила поднялся.

– А если деда спросить? – предложил Виталий. – Он наверняка...

– Выгонит сразу, и потом близко к дому не подойдешь. Моего отца, когда тот хотел продать иконы, наладил и даже на похороны не приехал. За ним машину послали, а он сказал – не сын он мне. Пошли, ждате дед тоже не любит. Во всем его слушаю.

Они вошли в комнату.

– Как здоровье? – спросил сидящий за столом старик.

– Великолепно, – усаживаясь, ответил Данила. – Правда, когда в котлован прыгнул, думал, сердце остановится, холодища...

– Так лед там, – старик хитро прищурился, – тут же мерзлота. Ну, давайте начинать! – Он перекрестил самодельный каравай.

Виталий заметил, что крестил он двумя пальцами. Покосился на Данилу. Тот сидел неподвижно, опустив голову. Виталий тоже устался в стол.

– Правильно, – усмехнулся дед. – Я не то что верю в Бога, но жил так и помирать так же буду. Иконы, которые твой батька желал продать и которыми вы интересуетесь, мне от деда достались. Говорят, тайна в них имеется. Семь штук их. Вам, кажись, тоже хочется вызнать тайну эту, но не знает ее никто. Мовет, и ведает кто-то, но не я. Правда в том, что у меня есть две, мало кто знал. А теперь, поди, и не осталось таковых. Только ты, выходит дело, – кивнул он внуку. – А ты, значится, и приехал на иконы посмотреть. Так не жаль, смотри сколь хошь. Давайте обедать. Для аппетита настоечки примем.

– А вы что-то знаете про иконы? – осторожно спросил Виталий.

– Если ешь, то молчи, – осадил его старик.

Тикси

– Снова Войцевская у нас, – улыбаясь, проговорил вошедший в кабинет майор.

– Слышал, – кивнул полковник. – Кстати, уже доброе дело сделала – Савелия Степанова кто-то подставил...

– Да слышал. Интересно, кому и зачем это понадобилось. Что за ключ?

– Степанов о нем молчал, но потом у него Журин был, ему и рассказал. Интересно – тогда действительно застрелили якута, у него нашли пистолет убитого почтальона. Откуда он появился в том районе, установить не удалось. И вот лжемилиционеры прилетают в Топь, забирают Степанова и доставляют в Тикси. Где находится квартира, в которой его допрашивали, Савелий не помнит. Окна были занавешены. А вели его, натянув на глаза шапочку. Надо в поселение староверов съездить, выяснить...

– Начальство возражает, – сказал полковник. – Закона они не нарушают, а журналисты расценивают наши посещения как преследование по религиозным мотивам.

– А что делать? Степанов упоминал о ключе, и надо выяснить, что это за ключ. Я сам поеду к староверам. Совсем не обязательно, чтобы об этом узнала пресса.

– Да все как всегда, – недовольно буркнул в телефон Жеренов. – Сказала – расстаемся. А мне это невыгодно. Так что... – Его перебили. Он усмехнулся. – Хорошо, пробуй... – И замолчал минуты на три. Затем, играя желваками, недовольно проговорил: – Хорошо. – Отключив сотовый, он сунул его в карман и выругался. – Что-то здесь не так. Надо было послать всех на хрен! С Войцевской отношения нормальные, если место позволит, запросто могу еще раз взять. Но эти аванс дали. Тоже мне, блин, бизнесмен хренов, останешься ни с чем. – Он снова выругался.

– Понял, – сказал по телефону мордатый молодой мужчина – все сделаем. Но ты вроде как начала...

– Не торопитесь, – остановила его женщина. – Просто приглядывайте, чтоб лишнего не наговорил.

– Лады. А когда эта канитель закончится? Порядком надоели эти делишки. Сидим, как срок на поселении отбываем.

– Поспешешь – людей насмешешь, зато потом будете по полной гулять. Так, кажется, вы говорите.

– Как скоро это будет?

– Еще немного, еще чуть-чуть.

– Все хи-хи ловишь? – отключив сотовый, процедил мордатый. – Если голяк будет, мы тебе устроим хи-хи!

Поселок Топь

– Спасибо тебе, Ирина, – вздохнула Варвара.

– Это я вас благодарить должна, – улыбнулась Ирина. – Если бы не тетя Паша и не вы с Савелием, я бы...

– Ну хватит вам! – Савелий поднялся со стаканом. – За сына тебе спасибо. Растет богатырь! – засмеялся он. – А если тебе понадобится наша помощь, все, что можем, сделаем. Я сейчас за тебя и смерть приму. Знаешь, наверное, нет любви сильнее, чем родительская. Я вот вижу – сын здоров, и счастливы мы с Варькой.

– Да, – улыбнулась Варя. – Ты все в нашей жизни исправила.

– В общем, за тебя – и чтобы ты мужика путного нашла! – Савелий поднял стакан.

– Да где ж их, путных, сейчас найдешь-то? – проворчала Павлина Андреевна. – Одна пьянь и осталась без жен. Да сейчас и бабы-то что вытворяют – и пьют, и гуляют. А молодежь совсем с ума посходила. Наркотики колют и курят. И в селе такие есть. А уж в Тикси прямо беда с наркоманами. И ведь мрет сколько!.. А родителям каково?

– Тетя, – остановил ее Савелий, – давай за здоровье Ирины выпьем.

– Отпустили Степанова, – кивнул на дом Савелия пожилой якут.

– Да вроде его и не забирали, – отозвался молодой. – Какие-то бандиты под милицию работали. Но отпустили живым. А сейчас у него тетка, Павлина Андреевна, она ему вместо матери, и эта из Москвы, которая помогла Мишку вылечить.

– Это та, которая с Деновым зимой шла?

– Она.

– Храбрая баба. Сызнова приехала, однако.

– Смелая, – согласился молодой, – и добро помнит. Сына Савелия вылечила, охотникам на волков баню прислала. В самый лютый мороз мыться можно.

– О ней и плохие люди не раз вопросы задавали.

– Кто такие?

– Чужие. У Заячьего ручья.

– А что спрашивали?

– Где они первый раз останавливались.

– А зачем им это?

– Они не сказали, – насмешливо проговорил старик. – Ключ ищут, – помолчав, сказал он. – Помнишь, убили на Лысой сопке одного? Машину почтовую он ограбил и шофера убил. Он у староверов был. Разговор идет, ключ он украл. Староверы на кладбище святого рода дорогу ищут. Кровь скоро в тайге будет пролита, много крови. Чужих людей в тайге много сейчас. Что делать будем?

– Надо участковому сообщить.

– Высокие чины тоже кладбище святого рода разыскивают. Золото всегда убивать заставляет. Человек разум теряет и зверем лютым становится. Попомни мои слова, Михаил.

Якутск

– Как вы тут? – улыбаясь, спросил Штейн.

– Все хорошо, – ответила Рита. – Претензий к группе нет никаких. И мне кажется, они мной тоже довольны.

– Маргарита Сергеевна хороший человек, – проговорил рыжеволосый парень. – А вы где были?

– Договаривался о дальнейшем маршруте. Завтра отправляемся вверх по Лене. Обещаю массу впечатлений. Все сообщили родителям, что мы задержимся на пару недель и будем работать? Если кто-то не захочет, то...

– Все будут, – перебил рыжеволосый.

– Знаешь, Ермаков, мне не нужен в группе лидер, который навязывает свое мнение. К тому же ты не похож на лидера. – Парень покраснел, остальные рассмеялись. – Итак, – уже серьезно заговорил Штейн, – сегодня отдыхаем. Завтра с утра к реке и грузимся на судно. Убедительная просьба – отдохните и выспитесь. Три дня будут довольно трудными.

* * *

– Да ничего мы не поняли, – недовольно признался Филимон. – Я и повез его для того, чтоб он посмотрел иконы. Думал, разберется, но напрасно. Кстати, там сестра Гришки Постановова Надька. С ней двое парней. Они о чем-то говорили с Васькой и Олегом, моими двоюродными братишками. Но батя на них ставить перестал. Сейчас они никто и звать их никак, пользы никакой.

– Но если Постановова с ними говорила, что-то, значит, они еще могут, – заметил полный пожилой мужчина. – Кешка тоже не так прост, как кажется. Я вполне допускаю, что он что-то понял, посему за ним сейчас глаз да глаз нужен. Рита с ним?

– Конечно.

– Кто еще в группе?

– Мамонт и Ритка. Проводник наш будет. Штейн не знает, что он из наших.

– Отлично. А кто проводник?

– Луговой.

– Софрон и Клык с ними пойдут?

– Да, Альберт Игоревич.

– Правильное решение. Список принес?

– Вот. – Филимон положил на стол бумагу. – Здесь еще данные о родственниках. Только у Марика Яновича Вишневого богатые родители. Мачеха – банкир, отец – бывший комитетчик. Точнее, фээсбэшник. Что-то в Чечне отмочил, его и попросили со службы. Но знакомые в ФСБ у него есть. И деньги тоже.

– Не забывай о Войцевской. У ее матери здесь много знакомых, среди них есть менты. Если вдруг что-то пойдет не так и придется потерять детишек в тайге, Войцевская наверняка обратится к знакомым ментам. Узнали, какой идиот забирает Степанова?

– Не мы. И пытаемся выяснить кто. У хребта были трое. Потом ушли. Судя по всему, это они брали староверов, у них пропали трое. Правда, бабу нашли. Ее россомаха загрызла...

– Надо выяснить, кто там был, – перебил его Альберт Игоревич.

– Пытаемся.

– А какие у тебя отношения с сыновьями Василия Демьяновича? Они тебе тоже братья двоюродные. Или что-то в отношениях между вашими отцами не так?

– Отношений нет ни у бати с Василием Демьяновичем, ни у меня с Антоном и Михаилом. Более того, Антон с меня пытался получить бабки. Я золотишко скупал в Усть-Нере, а он хотел этот район под себя подгрести. В общем, было небольшое столкновение. Кстати, они тоже интересуются иконами. Скорее всего Мишка дело замутил...

– Час от часу не легче! Ты готов убрать своих родственников?

– Нет у меня родни, – усмехнулся Филимон. – Но сейчас, кажется мне, рано их убирать. Неплохо было бы разузнать, что им известно. На иконах обнаружили какие-то полоски. Отец говорил, что икон должно быть семь. Две у него, три у Денова. А где еще две? Наверное, все

семь надо сложить вместе, тогда что-то можно будет понять. Кстати, за эти иконы предлагают очень хорошие бабки.

– По моим сведениям, иконы стоят несколько сотен тысяч евро. А если поделить деньги на двоих, то хватит и нам, и нашему потомству. Кстати, как у тебя дела с Инной? – поинтересовался Альберт Игоревич.

– Как только появятся приличные деньги, я женюсь.

– Она в курсе твоих планов?

– Разумеется. Это она предложила продать иконы, но батя заартачился.

– Я помню.

– А вы думаете, Кешка что-то понял?

– Будем надеяться, что нет.

Поселок Выселки

– Так, – недовольно вздохнула Надежда. – Значит, кто-то был у Луки Демьяновича с Филимоном. А Филя ищет иконы. Две иконы не дадут ничего. Но все-таки они их видели. Три у Денова. А вдруг по пяти можно прочесть, где находится захоронение?

– Поставить на уши и Луку Торова, и Денова, – предложил Михаил.

– И через час мы будем изуродованы, а милиции отдадут наши тела. Здесь свои законы, и милиция не всегда успевает спасти преступников. Отсюда до трассы около ста километров. Да нам и выйти из поселка не дадут. Так что это исключено. Остается надеяться, что Филька с приятелем не забрали иконы. Насчет Денова я думала. Может, просто сходить к нему и попросить продать? Узнать, что ему очень нужно, но он никак не может это приобрести, и предложить обмен. Деньги его скорее всего не интересуют, он довольно состоятельный человек. На него работают люди из поселка, есть своя охрана. Одним словом, князек. Это и о Торове Луке Демьяновиче можно сказать. Потому они и враждуют. Но если у Денова, надеюсь, можно иконы на что-то выменять, то с Торовым гораздо сложнее. Наверное, придется прибегать к силовому решению. Надо поговорить об этом с братьями. Они наверняка знают слабые стороны своего дядьки. И вот еще что – надо выходить из дома, просто пошататься по окрестностям. В магазин зайти. Завтра утром пойдем гулять по сопкам.

– Тут комаров полно, – проворчал Леонид.

– Днем немного, – возразил Михаил. – Может, вызовем бригаду Конопатого? – взглянул он на Надежду.

– Когда и что делать, решаю я, – осадила его она.

– Значится, так, – сказал Лука Демьянович, – едешь в район и получаешь эти самые допуска на мытье золотишка лотком. Ну а будут бумаженции, под этим видом проходнушку поставим и людей вблизи, чтоб предупредили, когда заявится милиция. Убрали проходнушку, и все. Ясно?

– Понятно, Лука Демьянович, – кивнул рыжебородый.

– Ну и ладно тогда. И вот что еще: с мужиками Афанасия не цепляйтесь, сейчас это нас до добра не доведет. И узнай, как там сестра Гришкина. Надобно наведаться к ней и погугарить насчет икон. Что-то она наверняка скажет.

– Дело говорите, хозяин, – согласился Шут.

– Афанасий Семенович, – заглянул в комнату Пашка, – к вам барышня городская.

– Чего ей надобно? – Допив молоко, Денов вытер усы и бороду.

– Добрый день! – Надежда вошла в комнату.

– И тебе не хворать. Погодь-ка, ты ж сестра Гришки Постановова. И вот так запросто заявись, гадина? – Денов, проведя по столу ладонью, сжал пальцы на рукоятке ножа.

– Афанасий, – бросилась к нему жена, – охолонь! А вы, барышня, лучше из поселка уезжайте.

– Я никогда не поддерживала брата, – заявила Надежда. – И пришла, чтоб сказать вам правду и попросить прощения. Но дело не в этом. Григорию нужны были ваши иконы. Есть мнение, что в иконах указано место захоронения...

– Погодь, – остановил ее Денов, – не тараторь. С чего это ты вдруг решила просветить нас да еще и сожаление высказать? И какого лешего заявила? Из-за брата твоего сын наш сел в лагерь, потом сбежал и убил и Гришку, и Натку, жену свою непутевую, которой твой брат голову вскружил. А ты, значит, не одобряла его? – Денов резко махнул рукой. Тамара Васильевна вскрикнула. Надежда после того, как в косяк впился нож, отскочила. – Уходи, – прохрипел старик, – добром прошу, уходи.

– Я не для того пришла, чтобы вот так уйти, – вздохнула Надежда. – Вы можете сделать со мной все, что угодно. Но вас арестуют и посадят. А учитывая ваш возраст...

– Выметайся отсель, гадина! – крикнул Денов.

Надежда подошла к столу, села и закурила. Денов ошалело смотрел на нее. Пашка замер около двери, открыв рот.

– Не курят у нас, – строго проговорила Тамара Васильевна.

– Извините. – Надежда погасила сигарету. – Я очень прошу выслушать меня. Вам тоже грозит опасность. Вы никого и ничего не боитесь, но у вас есть внук. Поэтому...

– Погодь, – остановил ее Денов, – с чего это ты вдруг о нас печешься-то?

– Мой брат принес горе в ваш дом, но я знаю, что это было только начало. Настоящая беда впереди. У вас есть три иконы, они нужны мафии. Да-да, именно мафии. Поэтому Гришка и совратил вашу невестку. С ее помощью он хотел получить иконы за вашего внука. – Надежда посмотрела на дверь комнаты, из которой слышался детский голос. – Поэтому Наталья и бросила сына. Она уж очень хотела в город...

– А чего это ты так за нас беспокоишься? – вкрадчиво спросил Афанасий Семенович. – Прям мать родная. Может, тебе иконы отдать, чтоб у нас этой самой беды не было?

– Зря вы так.

– Вот что я тебе скажу... Наглючая ты, как волк, побывавший в капкане. Хитра, будто лиса, стрелянная охотником, и зла в тебе, как в росомaxe, отдававшей крови человеческой. Отпущу тебя, не желаю грех на душу брать. Но ежели еще раз объявишься, на муравейник усажу и к дереву привяжу. Это смерть лютая. Ясен день? А теперь убирайся! – Он вышел из комнаты.

– Уйди от греха подальше, – попросила Тамара Васильевна, – а то он лют дюже бывает, когда не слушают.

Надежда встала и закурила.

– Сами ко мне приползете, – прошептала она. Выдохнув дым, быстро вышла.

– Вот сучка! – процедил Павел. – Может, ее...

– Окстись, басурман! – прикрикнула на него Тамара Васильевна.

– Значится, вот что им треба, – вздохнул Денов и посмотрел на висающие в углу иконы. – И зачем они им понадобились? Продать, наверное, желают. Сейчас же все продается, ничего святого нет. А ведь правду баяла эта стерва, интерес к иконам большой. Что-то за ними есть. Ну что ж, сунется кто – пусть на себя пеняет. Внуку иконы завещаю. Сыну хотел передать, но он сторонился этого. Сам я виновен, хотел мужиком его сделать, а он убивцем стал. Правда, перед гибелью попросил внука таким не делать. Эх, Ванька, Ванька... – Он тяжело вздохнул.

В комнату вошла Тамара Васильевна.

– Не бойсь, – посмотрел на нее Денов. – И вот что, жена, – он положил руки ей на плечи, – дай слово верное – не отдашь иконы никому, окромя Лешки.

– Смерть приму, – прошептала она, – но не дам их в чужие руки.

– Надобно мужикам сказать, чтобы готовые к неожиданным гостям были.

– А может, к участковому пойти? – несмело спросила жена. – Он мужик правильный и закон блюдет. Народ верит в его защиту.

– Сам смогу. А за Лешкой глаз да глаз нужен. Спасибо этой гадине, что наглости набралась прийти. Теперича хоть знать будем, что недруг имеется. Они через мальца нашего иконы заполучить хотят.

– А может, отдадим их? – тихо спросила жена.

– Эти иконы третье поколение оберегают. Думал, и четвертое сохранят, да не вышло. Так пусть Лешке достанутся. Я в память о деде и бате к Богу иной раз обращаюсь. Ивана они не отвратили от лихой судьбы. Знать, грехов на мне много. Людей ел, а уж это лихо даже на небесах не прощают. Помни слово свое, Тамара, и не заикайся больше о том, чтобы отдать иконы.

– Прости, Афанасий, слабость и опасение за внука так говорить заставили. Более такого не будет.

– Верю тебе, Тамара! – Он на мгновение прижал ее к себе. – И сами управимся. Тут наши места, и не смогут они просто так нас убить. А живыми иконы не отдадим. Сладим мы с извергами, и не таких бандюков видывали.

– Внук, – сообщила по телефону Надежда, – единственное, чем дорожит Денов. Но с ними не справиться. Даже если и удастся иконы взять, не уйти, весь поселок поднимется, так и закопают в сопках. Надо что-то придумать. А с Лукой Демьяновичем Торковым даже не знаю, что и делать. Были у него двое. Сын его Филимон и какой-то Иннокентий Яковлевич. Фамилию никто не знает. Иконы он гостям не отдал. Найди Филимона и прижми. Значит, кто-то из центра этим делом занялся. Гришка дурак, такой шанс упустил. Возьми Наталью с сыном, увези их. За внука Денов все отдал бы. А Гришка на мальчишку хрен забил. Болеет, говорил, не дай Бог, умрет, а я виноват буду. Наталья ему план нарисовала, где иконы висят. А в дом взвод спецназа без боя не войдет. В общем, труба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.